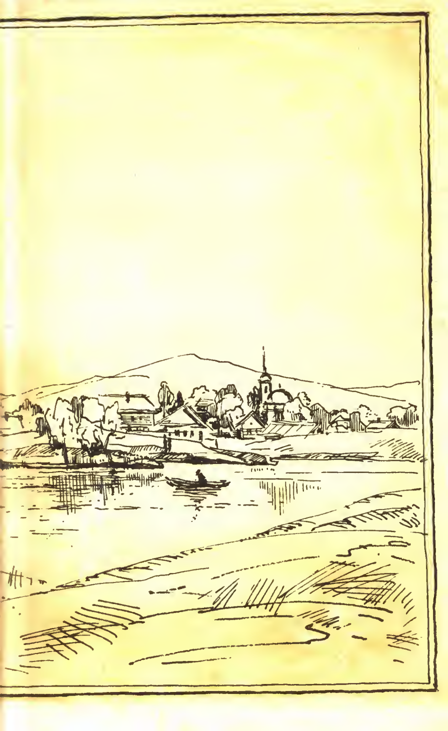
А. ЧАПКОВСКИЙ

ПАРОХОДНЫЙ ДИЛИЖАНС

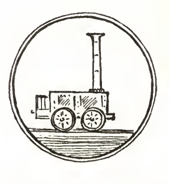
Издательство „Детская литература"

А·ЧАПКОВСКИЙ

ПАРОХОДНЫЙ ДИЛИЖАНС

Историческая повесть

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

Оформление А. Цветкова

Для младшего возраста

Александр Вениаминович Чапковский

ПАРОХОДНЫЙ ДИЛИЖАНС

Ответственный редактор
Г. А. Дубровская
Художественный редактор
О. К. Кондакова
Технический редактор
Г. Г. Стан
Корректор
Н. А. Сафронова

Сдано в набор 16/VI 1975 г. Подписано к печати 7/X 1975 г. Формат 84×108 1/32. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 3,28. Тираж 150 000 экз. Заказ № 867. Цена 26 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Чапковский А. В.

Ч19 Пароходный дилижанс. Историческая повесть. Оформление А. Цветкова. М., «Дет. лит.», 1975.

96 с.

Историческая повесть об изобретателях первого русского паровоза отце и сыне Черепановых.

Ч $\frac{70802-609}{М101(03)75}$ 350—75 Р2

ВСТУПЛЕНИЕ

Сегодня Нижний Тагил — очень большой город, настоящий промышленный центр. Когда приезжаешь в Тагил, то прежде всего попадаешь на вокзал: сюда приходят электрички и поезда дальнего следования, которые привозят людей и грузы.

От вокзала в центр ведет широкая улица. По ней движется поток легковых машин, автомобилей, автобусов. Улица ведет к Театральной площади. Посреди площади стоит памятник Черепановым — отцу и сыну. За памятником — здание театра.

Можно спуститься вниз, пройти мимо строящегося цирка и увидеть дом, принадлежавший заводовладельцам Демидовым. Здесь когда-то сидел в своем кабинете директор заводов Любимов. Часть дома отдана под музей.

В первом зале музея на небольшом пьедестале возвышается паровоз. У паровоза толстый, обитый деревом котел и длинная труба. Кажется, он сошел со страниц сказки. Даже не верится, что из-за этого мирного конька-горбунка разгорались жаркие споры, решались человеческие судьбы.

Возле паровоза висят два портрета. Под ними подписи: «Ефим Алексеевич Черепанов, Мирон Ефимович Черепанов». Любой мальчик может показать их дом — от него до музея рукой подать.

В подвале музея расположен архив. Там я увидал уцелевшие письма Черепановых, Любимова, Демидова, полуистлевшие документы завода, записанные историками предания. И перед моими глазами выросла удивительная картина тех стародавних времен. Многие из документов навсегда пропали для нас, другие еще будут открыты, и я попытался дополнить воображением то, что скрыла завеса времени.

Автор

Глава I. В ПАРИЖ ЕГО!

Стылым утром весны 1814 года Андрей Шведов — крепкий мальчуган лет двенадцати — подбежал к черепановскому дому и раскатисто прокричал: «Ку-ка-ре-ку!» Мирон мигом выскочил, видно уже стоял в дверях, и махнул приятелю рукой: тише, мол, перебудишь весь дом! Зябко кутаясь в грубые армяки и поглубже натянув шапки, они заспешили к лесу.

— Ежели спросят чего,— объяснил дорогой Андрей,— отвечай: мать послала к руднику, там отец работает, понял?

— Понял,— ответил Мирон и шмыгнул носом.

Весна только начиналась. Снег слегка подтаял и почернел.

— Андрей,— в сотый раз сомневался Мирон,— может, не стоит, а? Ты насчет клада хорошо знаешь? Никто больше-то не пошел. Только мы вдвоем.

— Не знал бы — не говорил! — отрезал Андрей.— А коли не хочешь, не надо, без тебя обойдусь. Иди играй с ребятами, коли не дорос до настоящих дел.

— Но до Парижа-то сколько верст будет — далеко! Никак, поймают, тогда что?

— Не трусь, дойдем!

От села Выи, где жили ребята, до Медного рудника версты четыре. Едва проторенная дорога вела их по чащобе, где вперемешку с черны-

ми голыми дубами красовались зеленые разлапистые ели. План был такой: перво-наперво забраться в шахту Медного рудника и раздобыть фонарь и кайло.

— С кайлом и фонарем мы управимся,— обещал Андрей.— Все откопаем: и сабли, и пушки, и ружья, и золото!

— Ты в тот раз про пушки не говорил! — напомнил Мирон.

— Мало ли что не говорил! — ответил Андрей.— Тебе все скажи, много знать будешь!

— Слушай, Андрей, а золота в кладе много?

— Много, нам хватит!

— Еще бы! Мне-то и гривенника хватит. Я вот к чему: может, расскажем про клад, глядишь, нам с тобой по рублю дадут, ну не по рублю, так по полтиннику уж как пить дать.

— Иди ты со своим рублем! — разозлился Андрей.— Тут клад, понимаешь, дурья башка, клад, а ты — «рубль, полтинник»! — И, чтобы успокоить друга, Андрей вновь напомнил ему: — Клад заговоренный, где зарыт, не знает никто, только я и змей Полоз, который его сторожит. Просто так клад не дается, надо знать слово...

— Я знаю,— прервал Мирон.— Деньги — черти, а люди — черви!

— Знаешь! — передразнил Андрей. — Тут вся штука не в том, чтобы знать, а чтобы сказать умеючи.

— А ты сумеешь?

— А то нет! Так сумею, что Полоз враз от-

ползет, а нам все достанется. Все откопаем — и в Париж! Пушки, сабли, ружья, целое войско. Я впереди, в руках шпага. Вот Наполеон — шпагу наголо! «Ваше величество, я желаю сразиться с вами за честь Рос...»

Андрей споткнулся о корягу и растянулся во весь рост.

— Ты нос не расквась, Наполеон,— засмеялся Мирон...

Андрей поднялся, сердито поглядел на него:

— Ладно, сам увидишь!

Медный рудник находился возле быстрой речки Рудянки, отчего и назывался иногда Меднорудянским. А по другую сторону рудника стоял белый храм и светился на солнце золотыми луковками куполов.

Богатства рудника прятались глубоко под землей. К руде пробирались по шахтам — глубоким колодцам. В эти шахты-колодцы лазили люди, по ним поднимали руду и выкачивали воду. Шахты назывались: водоотливная, рудоподъемная и лазейная. Возле шахт сновали рабочие. Они вытаскивали воротом, как воду из колодца, бадьи с рудой, перегружали руду на подводы и гнали подводы на Выйский медеплавильный завод. Целые вереницы подвод подходили порожняком к Медному руднику, а уходили, грузно переваливаясь под тяжестью руды.

Возле водоотливной шахты царило оживление. Несколько мужиков собрались вокруг конной водокачки. Одна из лошадей, крутивших

громадное деревянное колесо водокачки, упала. Колесо остановилось, а вместе с ним замер весь нехитрый механизм: колеса, штанги, поршни.

— Ух, проклятая! — выругался, размахивая кнутом, конюх Родион Драгилев.— У-у, сила нечистая! Что ни день — лошадь падает. Теперь пока распрягать да впрягать буду, вода горщикам по колено встанет.

Мужики задумчиво чесали бороды, сдвигали набок шапки — думали.

— Худо дело,— заметил один.— Слишком места кругом водные: Рудянка, Тагильский пруд. Затопит рудник. Гиблое место!

Воспользовавшись заминкой, ребята юркнули в лазейную шахту. Спускались вниз по шаткой скользкой лестнице, зажмурившись от страха: больно глубок рудник. А когда ноги нашарили землю и они открыли глаза, то ничего не увидели: такая темь стояла вокруг.

Они сели перевести дух на скамью возле лестницы. Пахло сыростью. Вскоре они начали различать фигуры мальчишек, которые возили груженные рудой тачки.

Андрей встал.

— Пойдем, Мирон,— сказал он.— Поглядим.

Они пошли по галерее, которая опускалась все ниже и ниже. Сквозь бревенчатые крепления сочились тонкие струйки воды. Вода стекала в приямок, а оттуда ручейком сбегала к яме возле водоотливной шахты. Из ямы воду откачивали насосом.

Скоро потолок совсем опустился. Горщики отбивали руду, стоя на коленях, а то и лежа. От сырости и духоты сдавливало дыхание. Андрей чихнул.

— Дальше идти незачем,— сказал он.— Вернемся назад и подождем. Кто-нибудь будет вылезать, лампу на скамье оставит.

И правда, не успели вернуться, как тощий, словно жердь, горщик подошел к скамье, сбросил лампу, поставил кайло и крикнул кому-то:

— Опять воды по горло! Вась, ты погоди рубить, я наверх слажу, гляну на водокачку!

Горщик ушел, а ребята схватили лампу, кайло и выскочили наверх. Дальше случилось вот что. На рудник пожаловало начальство. К шахте подкатила коляска, запряженная серой кобылой, и из нее вылез управляющий Михаил Данилович Данилов.

— Чего не работаете? — рыкнул он, увидав, что все оробели и схватились за шапки.— Только и можете, что шапки рвать.

Сытый, пес! Рожа бритая. Даром что из мужиков — костюм дорогой, аглицкого сукна костюм, не шутка. А на ногах-то не сапоги, а ботиночки кожаные. И в лапищах хлыстик держит — тонкий, хлесткий.

Михаил Данилович шагнул к водокачке. «Ух, машина проклятущая! Не поспевает за водой — хоть тресни». Он поглядел на Родиона, который торопливо впрягал лошадь. Под грозным взглядом руки не слушались его.

— Ты долго впрягать будешь, дурень? — прорычал Данилов, взмахнув хлыстиком.— Завтра же прикажу тебя, пса, вздуть! Даром, думаешь, в контору розги новые завезли?

Сердился управляющий. И не зря. Что ни день, из Петербурга идут наказы: давай еще меди. Легко перышком по бумаге — давай! — а пойди ее добудь! Рудник все время затопляет водой.

Нынче у хозяина новая блажь: найти чадо посметливее, чтобы послать в Париж, горному делу обучаться. Дел, что ли, больше нет, со щенками возиться? А пришлось расспрашивать — говорят, двое таких есть: Андрейка Шведов да Мирон Черепанов, сын плотинного мастера Ефима Алексеевича. Ну Мирона-то лучше оставить, пусть отцу помогает, а второй...

Вдруг кто-то резко толкнул Михаила Даниловича, да так, что тот пошатнулся. Обернувшись, он увидал двух перепачканных мальчишек, которые выскочили из шахты и, ослепленные ярким светом, налетели на него. На минуту все опешили. Из-под армяка у Мирона вывалилась лампа, а Андрей выронил из рук кайло.

— Вы что, воровать? Щенки! — зарычал Данилов.— Розог давно не видали?

— Мы...— пролепетал Андрей.

— А что это? — Данилов указал пальцем на кайло.— Значит, воровать? — Он пригляделся к Мирону: — Постой, ты чей будешь, не Ефима Алексеевича сын?

— Сын...— ответил Мирон.

— Ага. Ну погоди, даст тебе отец на орехи! Ты чего тут делаешь?

Мирон молчал.

— Дяденька,— неожиданно вступился Андрей.— Нам только поглядеть — и все.

— Что поглядеть?

— Вот Андрей сказывал, он про клад знает,— буркнул Мирон.

— Про клад? Какой еще клад?

— Ну пушки там всякие, сабли, пистолеты...— объяснял Мирон, косясь на Андрея.

— Что за чертовщина! — ничего не понимал Данилов.— Какие еще пушки? Война давно кончилась.

Андрей молчал.

— Соврал я, дяденька, про клад,— сказал он наконец.— Просто хотелось вместе с мальчишками рудник поглядеть, а как их еще заманишь? Никто со мной идти не соглашался. Вот я про клад и придумал. И про войну я все знаю. А лампу и кайло мы бы потом отдали! Зато я знаю, как настоящую золотую жилу искать. Все приметы.

— Какие такие приметы и откуда ты их знаешь? — спросил Данилов.

— Я про горное дело все знаю,— быстро затараторил Андрей, боясь, что перебьют.— Как руду добывают, знаю, и как железо выплавляют, и как медь. Могу плавильные печи нарисовать, только скажите. Все инструменты знаю. Камни различать могу.

— А как тебя звать?

— Андрей Шведов.

— А...— задумчиво протянул Данилов.— Ясно. Ну-ка нарисуй печь.

Андрей схватил прутик и принялся расчерчивать на земле плавильную печь, а стрелочками показывать, куда руду бросают, а откуда медь получают.

— Всего три печи,— приговаривал он.— Одна — плавильная, другая — отделительная, третья — очистительная...

Андрей рисовал прутиком, а Данилов слушал. Потом оторвал взгляд от рисунков и сказал:

— Хватит. Поехали.

— Куда поехали?

— Вздую тебя как следует на прощание. А потом — в Париж!

Вечером того же дня ребята встретились в заброшенной избе, которая одиноко стояла в лесу и была известна только им.

— Ну что, крепко тебя? — спросил Мирон.

— Ерунда, даже сесть могу. Только больно,— ответил Андрей, поежившись.— Завтра уезжаю.

Он зажег лучину и осветил небольшую горницу, обвел взглядом растрескавшиеся лавки, колченогий стол, заколоченное оконце и сказал:

— Теперь все это твое. Владей!

Мирон молчал: жаль было терять друга.

— Вот что,— продолжал Андрей.— Давай поклянемся в дружбе. На крови, как разбойники.

— Давай!

Андрей достал небольшой ножик, прижал кончик к пальцу, зажмурился и надавил. На пальце выступила капля крови.

— Теперь ты,— сказал он.

Мирон покрутил в руке ножик, тяжело вздохнул, но отказаться не решился.

Тогда Андрей перемешал обе капли на небольшом клочке бумаги и поднес бумагу к огню.

— Повторяй за мной,— приказал он, не оборачиваясь.— Клянусь, что не забуду Андрея Шведова до гроба!

— Клянусь, что не забуду Андрея Шведова до гроба! — повторил Мирон.

— Клянусь, что не забуду Мирона Черепанова до гроба! — сказал Андрей.

— А ежели забуду, то пусть разразит меня гром!

— А ежели забуду, то пусть разразит меня гром!

— Аминь.

— Аминь.

На следующий день Андрея увезли сначала в Петербург, а оттуда — в Париж.

Глава II. «ЕДЕМ В ШВЕЦИЮ!»

От черепановского дома до Выйского завода рукой подать. Идти минут десять, не больше. Мирон не спешил. Зорное солнце матовым блеском освещало пруд. Воздух чист, холоден. Он обер-

нулся. В окне показалась Арина, махнула рукой. Мирон ответил, потом зашагал к заводу.

Лет десять прошло с тех пор, как уехал Андрей. Даже не поверишь, что так время летит! Кажется, еще вчера бегали клад искать. А вот Мирон уже взрослый — работает, женат...

Впрочем, работать Мирону пришлось с двенадцати. На другой год после отъезда Андрея ему определили должность: писец Выйского завода. Вроде бы невелика фигура — писец, а если с умом подойти, весь завод можно узнать. С одной стороны, бумаги изучаешь, а с другой — на самом заводе тоже бывать приходится.

В семнадцать лет отец взял Мирона к себе в помощники.

Стать помощником Ефима Алексеевича — немалая честь. С сына же у него тройной спрос: чтобы никто не сказал, будто он Мирону поточки дает. С утра до ночи только и знай что работай. Плотины, мельницы, лесопилки, насосы — все приходилось делать. Даже маленькую паровую машину. Эта машина — гордость мастеров — заставляла двигаться токарные станки цеха.

Но главное для Мирона — выучиться у отца работать с людьми. Отца на заводе все любили и немного побаивались — от мастеровых до начальства. Он ведь так: увидит, что-нибудь не по его делается, слова не скажет, а только глянет, но так, что мурашки по спине побегут. Все вокруг понимают: Ефим Алексеевич зряшного слова не

скажет. Все по сто раз обдумает и уж ежели произнесет, то, стало быть, так оно и есть.

А если бы они знали, сколько ночей он не спит, сколько книг прочитывает, сколько бумаги исписывает ради одного верного слова! Потому-то и получается: он вроде невзначай что-то бросит, а все с ног сбиваются, выполнять спешат.

Отец поджидал Мирона возле ворот своего излюбленного детища — Выйской фабрики. Сколько раз приходилось им «колдовать» здесь, выдумывая новые механизмы! Сколько раз возвращались они отсюда далеко за полночь!

— Ты уже здесь? — удивился Мирон.— А я думал, что раньше тебя приду.

— Мое дело стариковское.

Мирон улыбнулся. Крепкий, прямой, без единого седого волоса, Ефим Алексеевич совсем не походил на старика.

— Ну радуйся, Мирон: едем в Швецию!

— Неужели разрешили?

— Не без хлопот, конечно...

— Спасибо, отец.

— Ладно, чего уж там!

Недели две назад из Петербургской конторы сообщили: несколько тагильских мастеров отправляются в Швецию поглядеть на тамошнее горное дело. Мирон в списках не значился.

— Пришлось самому хозяину о тебе писать,— сказал Ефим Алексеевич.— Ты теперь не осрамись: все, что возможно, про европейскую технику узнай. Главное — это паровые ма-

шины, запомни. Там век мельниц и водяных колес кончается. Колеса станет вращать пар.

— А у нас?

— А у нас сам знаешь как: пока одно начальство разрешение даст, да второе подпишет, да третье укажет... Ну, а наше с тобой дело маленькое — поменьше рассуждать, а побольше делать. И другим объяснять, что сами поняли.

— Кто еще едет?

— Степан Козопасов, Савва Желваков, а за главного — Александр Акинфиевич Любимов, петербургский приказчик. Говорят, его прочат в директоры заводов.

— Стало быть, Козопасов тоже едет?

— Стало быть, едет. Только ты, Мирон, не задавайся — Степан, может, и умом недалек, и выпить любит, но руки у него золотые.

— Но ведь он против паровых машин!

— Верно, против. Но на то и человек, чтобы ошибаться. А кто прав — один бог знает. Потому любое мнение выслушать надо и ко всякому человеку с уважением отнестись. Понял? Вот и хорошо.

Глава III. СТРАНА ШВЕЦИЯ

Проводы затянулись. Сперва приходили мастеровые — деловито объясняли, к чему, по их мнению, стоит приглядеться, что разузнать в Швеции. Потом прощались с родней.

Повозки уже тронулись, а Мирон еще долго вглядывался в толпу, где видел только свою молодую жену Арину, которая, вытянув шею, махала ему рукой, и мать, вытиравшую краешком платка слезы.

У Мирона слегка щемило сердце. Но впереди был Петербург с миллионом интереснейших дел, а дальше — удивительная страна Швеция, о которой все в Тагиле слыхали, но мало кто бывал.

До Петербурга добрались к началу мая 1825 года. На другой день Ефим Алексеевич подозвал к себе Мирона и сказал:

— Я тебя ни в чем не неволю. Ходи по Петербургу, гляди, когда еще в столицу попадешь. Но помни, главное для меня — твои знания. Человека не верхи, а нутро определяет. К тому же и начальство имеет на тебя особые виды. Видишь, что мне хозяин про тебя писал.— Он развернул письмо и прочел: — «Старайся заблаговременно приучить своего сына к тому, что тебе сейчас известно, дабы, когда ты не в силах будешь действовать, он мог занять твое место». И моя мечта та же: свое место тебе завещать.

Мирон целые дни пропадал на петербургских заводах — глядел, записывал, рисовал. Когда через месяц пришел срок отбывать в Швецию, он был готов к знакомству с лучшей европейской техникой.

Корабль за сутки доставил мастеров в Стокгольм.

И снова весь первый день поглотила рабо-

та — громадный металлургический завод в Стокгольме производил чугунные отливки, паровые машины для пароходов и различные мельницы с водяным и паровым двигателем.

Но цель поездки была впереди — центральный горнопромышленный район Швеции Бергслаген. Ландшафтом, реками, множеством металлургических заводов этот район напоминал Мирону родной Урал. Как оказалось, и техника здесь мало отличалась от уральской.

На знаменитых Даннеморских железных рудниках воду откачивали с глубины ста семидесяти метров. Насосы приводило в движение водяное колесо высотой с трехэтажный дом; у Мирона шапка слетела, когда оглядывал колесо. От колеса до насосов почти на две версты тянулся передаточный механизм — штанговая машина. Громоздкие деревянные шатуны качались взад и вперед на столбах, передавая энергию с колеса на поршни насоса.

— Вот она — штанга! — радостно закричал Козопасов.— Вот такую и на Медном руднике справим.

Ефим Алексеевич промолчал. И только вечером за ужином в маленькой харчевне, стоявшей возле горбатого каменного моста, он принялся неспешно вразумлять Козопасова.

— Неужто ты не понимаешь, Степан,— говорил он,— глупо нам штангу строить. И здешние рудники нам не пример, а пример Англия, потому что, во-первых...

Мирон сидел рядом, но почти ничего не слышал. Как завороженный внимал он шуму быстрой речки с прозрачной зеленой водой, которая бежала под мостом, вспоминал увиденные каменные домики с крутыми красными крышами, острые шпили, мельницы с флюгерками, голубятни. Словно в яви, попал он в тридевятое царство, тридевятое государство.

Прохладными вечерами крестьяне собирались возле какого-нибудь из домиков, курили и пили из высоких глиняных кружек пиво.

В Швеции заборы маленькие, низкие, как игрушечные. А яблони растут прямо вдоль дороги — рви на здоровье. Но никто не рвет, даже мальчишки. А в Тагиле ребята перелезали через громадные глухие заборы, попадались, бывали биты и снова лазали. Почему так?

И вновь до него доносился бесконечный спор отца с Козопасовым.

— Да неужто ты ничего не понял, Степан? Паровые машины по всей Европе! Жаль, что ты со мной в тот раз в Англии не был, поглядел бы! Подумаешь, Бергслаген!

— Штанга...

— Паровая...

Так и вернулись на Урал, не договорившись друг с другом.

Глава IV. УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

— Аммос!

Нет ответа.

— Аммос, где ты? Куда ты запропастился? — Мирон выглянул в окно.

Ну конечно! Стоит отвернуться, как он уже там: сидит со стариками и слушает разинув рот. Мирон спустился вниз, прислушался. Рассказывал скуластый, загорелый старик.

— Никита Демидов пришел на Урал лет сто, а может, и больше тому назад. Он-то и стал милостью царя Петра полным хозяином нашего края. Только один он тут, понятное дело, ничего сделать не смог бы. Вот и привел он с собой работных людей. Кого откуда: крестьян с торгов купил, бунтовщиков-стрельцов пригнал, тульских оружейников сманил — и голых и рваных. Из всех губерний людей на вывод накупил — Нижегородской, Сибирской, Московской. Дело известное: что город, то норов, что селение, то поверие, что деревня, то обычай. Все перемешалось на Урале. Жили улицами, каждый своими...

— Может, оттуда и пошли у нас эти неперелазные заборы? — неожиданно перебил Аммос.

Все обернулись к нему.

— Вы, дедушка, еще про Никиту Демидова расскажите,— попросил он.

— Что же, про Никиту Демидова,— усмехнулся дед.— Нрав у него крутой был. Старики сказывали, что при одном его имени на людей та-

кой страх нападал, что за тысячи верст бежали, лишь бы на завод не попасть. А сын его Акинфий настоящую каторгу устроил. К наковальням и литейным печам приковывал. Суд короток — засекали насмерть, бросали в рудник, топили в прудах. Бежать некуда: все дороги охранялись. Вот и выковывались здесь характеры, как кремень. Уральские характеры.

— Ладно, Аммос, пойдем,— сказал Мирон.

Аммос нехотя поднялся.

В комнате Мирона лежали развернутые чертежи.

— Давай, Аммос, поработаем немного. Не все тебе байки слушать.— Он бросил взгляд на чертежи, прищурился, сказал твердо: — И что бы там ни было, а мы своего добьемся. Построим паровую машину. Костьми лягу, а сделаю!

Аммос искоса поглядел на двоюродного брата и вдруг подумал, что уральский характер ему чем-то по душе.

Глава V. ВОДОКАЧКА ГОРИТ!

Не было счастья, да несчастье помогло.

Давнишний спор разрешила беда. Ветхая деревянная водокачка Медного рудника загорелась. Пожар вспыхнул сразу, пламя охватило всю громоздкую конструкцию.

Горщики выскакивали из шахты чумазые, с фонарями на груди и, щурясь от непривычного

света, глазели на полыхающее пламя. Дико ржали лошади. Конюхи едва успели выпрячь их и теперь гнали подальше от огня. Лица конюхов раскраснелись от жары.

Мужики передавали друг другу ведра с водой. Спасти водокачку не надеялись. Лишь бы не перекинулось пламя на соседние строения.

Огонь заглатывал все: громадное колесо, шатуны, деревянные колеса. Пройдет час, и от водокачки не останется ничего.

Стоя чуть поодаль от толпы, на пожар смотрели двое: рослый мужчина в глухом коричневом кафтане и юноша. Видя, что никто не глядит в их сторону, Ефим Алексеевич перекрестился и сказал сыну:

— На все воля божья. Построим новую — нет худа без добра.

Мирон промолчал.

К ним подбежал мальчишка.

— Ефим Алексеевич,— закричал он,— меня из конторы до вас послали! Александр Акинфиевич вас просят. Сказали, что срочно.

Ефим Алексеевич подошел к бричке.

— Садись, Мирон,— сказал он сыну.— Заедем за Степаном, а оттуда к Любимову.

Сухая октябрьская листва хрустела под колесами. Крепкая лошаденка быстро бежала по дороге. Они ехали по деревне мимо тесовых заборов в полтора роста. Заборы стояли ладные — один к одному. За ними выли цепные кобели.

Возле одного из заборов они остановились.

Мирон вылез из брички и подошел к резной калитке с тяжелой кованой ручкой.

Мирон дернул за рукоятку колокольчика. Затявкала собака. Мирон дернул еще раз.

Послышались шаги.

— Кто там? — спросил знакомый сиплый голос.

— Это я,— ответил Мирон.— Откройте, Степан Ефимович.

— Ктой-то ты?

— Мирон Черепанов. Мы с отцом приехали.

Дверь отворилась, и на пороге показался Козопасов, в нагольном тулупе и без шапки.

— Чево случилось? — спросил он, глядя на Мирона мутными глазами.

— Водокачка сгорела — вот ч-е-в-о! Понял? — ответил Ефим Алексеевич.— Ты тут царство небесное проспишь. Поехали к Любимову, он звал.

Степан ушел, а вскоре появился одетый, с громадным ключом в руках. Этим ключом он запер дверь, два раза попробовал, крепко ли, потом спрятал ключ за пазуху, перекрестился и полез в бричку.

Раньше Мирон никогда не замечал ни этих ключей, ни глухих громадных заборов. Казалось, так и надо. Только после Швеции понял: живут люди и по-другому.

Его мысли прервал Козопасов, который уселся поудобнее, поглядел на Мирона и сказал:

— Добаловались, значит. Загубили машину,

волк ее заешь! А ну как на новую денег не дадут, тогда как? Тонуть, значит, будем? Все чаепитчики и табачники, волк их заешь!

Он покосился на Мирона.

— Уймись, Степан,— сказал Ефим Алексеевич.— Ты лучше скажи, что делать будем.

— Сам знаешь,— нехотя буркнул Козопасов.— Надо штанговую машину строить — и все тут. Поставим на Тагильском пруде колесо, пущай вода крутит. И от колеса до рудника шатуны протянем.

— Ну, а если вода в пруде спадет?

— Бог даст, не спадет,— сердито пробормотал Степан.

— На бога надейся...— усмехнулся Ефим Алексеевич.

— И надеюсь,— буркнул Козопасов.— В бога еще верить не разучился.

— Да не про то ты! — досадливо сказал Ефим Алексеевич.

И тут Мирон не выдержал. Знал, что надо смолчать, что молод еще учить Козопасова, но не выдержал, вставил свое слово:

— Что же вы, Степан Ефимович, говорите! По всей Европе паровые машины строят, а мы лаптем щи хлебать? Глупее мы, что ли?

Козопасов так и взвился.

— Вижу, вижу! — зашипел он.— Пондравились тебе, видать, все эти заграницы, коли так рассуждать стал. Скоро небось и креститься тебе по-нашему не захочется, совсем обасурманишь-

ся! Мы, слава те господи, русские и без всяких англичанов знаем, что делать. А ты, верно, Ефим, поостерег бы сына-то, договорится он у тебя. Свободы им много дали!

Ефим Алексеевич промолчал. Так и доехали до самой конторы молча.

Глава VI. «АЙ ДА МИРОН ЕФИМОВИЧ!»

Контора располагалась в трехэтажном каменном здании господского дома. Справа от дверей конторы красовалась вывеска с затейливыми узорами:

Господина
Николая Никитича Демидова
Главная контора
Нижнетагильских заводов.

Директор нижнетагильских заводов Александр Акинфиевич Любимов сидел в своем просторном, немного мрачном кабинете. Мрачным кабинет делали черная дубовая мебель и слегка пришторенные окна. Комната была угловой, и окна выходили на разные стороны: в одно виднелась площадь, а в другое — Высокая гора с часовенкой на вершине.

Александр Акинфиевич изредка поглядывал в окно. В хорошем настроении — на площадь, в дурном — на часовенку.

Громадный стол директора был завален папками и конторскими книгами. Впрочем, то были

второстепенные папки и книги. Папки поважнее скрывались за резными дверцами всевозможных ящичков стола, а самые главные — в несгораемом ящике. Несгораемый ящик стоял за спиной директора.

Кроме папок и книг, на столе стояли массивная чернильница из ляпис-лазури, заводская печать из горного хрусталя и еще множество предметов — всяких ножичков и перьев. Отрываясь от бумаг, Александр Акинфиевич любовно поглядывал на печать — дар хозяина завода.

Портрет хозяина висел справа от стола. Николай Никитич Демидов сидел заложив ногу за ногу — расшитый камзол, алая лента, ордена — и слегка улыбался.

Мастера стояли молча у стола.

Любимов писал. Он что-то выводил на бумаге и не поднимал головы. Тихо поскрипывало гусиное перо. Но вот, словно только что заметив их, он произнес:

— Пришли, значит.— Потом помолчал немного и продолжал: — Знаю, все наперед знаю, что скажете. Сейчас Ефим расскажет о своих паровых машинах, а Степан — о штанговых. Ох, беда с вами, честное слово! Взяться бы самому за дело, да вот приходится с бумагами возиться, о вас же заботиться. А ты, Мирон, что скажешь?

— Я скажу, что одной штангой не обойдешься, без паровой машины рудник затопит. И потому надо строить обе. Вода в пруде спадет — работает паровая машина, поднялась вода —

включили штанговую, паровую починить можно. А что до физики и математики, то тут у меня нет сомнений. За это я отвечаю.

— Так, так,— улыбаясь, сказал Любимов.— За физику и математику ты, стало быть, отвечаешь.— Он на минуту задумался.— А ведь, пожалуй, ты прав. Ай да Мирон Ефимович! Ну что же, будь по-твоему, начнем строить штангу, а ты, Ефим Алексеевич, готовь чертежи и сметы — вслед за штангой поставим на той же шахте паровую машину. А теперь ступайте. И чтобы чертежи у меня не позже января были, ясно?

Оставшись один, он тяжело вздохнул, поглядел на площадь и взял в руки лежавшую на столе бумагу.

Доношу до Вашего сведения, что Степан Бондырев желает сына своего Кондрата от рекрутчины освободить, для чего во время рубки дров вырвал у него пуп. Парень сей намедни хвастался, что может теперь пуп свой с места снимать и назад ставить по своему разумению и необходимости, что следует учесть при наборе в рекруты.

Еще сообщаю, что Ефим Черепанов и его сын Мирон много чего лишнего говорят, а о деле не радеют. Ефим говорил, что может паровую телегу построить, которая без лошадей ехать будет.

Служащий конторы Данила Шкаликов.

Александр Акинфиевич брезгливо взял бумагу двумя пальцами, надорвал ее и хотел выбро-

сить в корзину. Но потом передумал, разгладил лист и положил в папку. В аккуратную папку с черными тесемочками.

Потом убрал папку в несгораемый ящик и улыбнулся:

— Ай да Мирон Ефимович!

Глава VII. К ЧЕМУ НАМ ПАРОВАЯ ТЕЛЕГА?

— А правда, что он в секретарях у их сиятельства господина Демидова служил?

— Правда.

— И что молод — правда?

— Правда.

— И холост?

— Правда, правда. Что еще спросишь? Зачем прибыл — сам толком не знаю. И когда уедет — тоже. И помолчи, ради бога, и так голова кругом идет!

За окнами смеркалось. В гостиную внесли свечи. Любимовы ждали гостей. Вернее, гостя — молодого чиновника из Петербурга, присланного на Урал с особым поручением. Остальные — свои: приходский священник отец Алексий и Гаврила Тарасович, заводской исправник.

— Где Наталья? — спросил Любимов.

— На охоте! — с досадой отозвалась Мария Тихоновна.— Все барышни как барышни, а нашей — охоту подавай! Запретил бы ты ей эту самую охоту.

— Ей запретишь! — покачал головой Любимов.— Она сама что угодно запретить может. Зелье девка! Ну да что сейчас говорить! Ты лучше пригляди, как стол сервируют. С минуты на минуту гости пожалуют.

И правда, не успела Мария Тихоновна подняться, как слуга доложил:

— Гаврила Тарасович Шайдюк!

— Доброго здоровия,— пропел тонким голосом заводской исправник.

Любимов давно привык к этому голосу, но всякий раз ему становилось не по себе. Исправник был настолько толст, что едва протискивался в дверь. А голосок тонкий-тонкий. Любимов вспомнил, как нынче утром мальчишки кричали, прыгая за спиной Шайдюка:

Шайдюк — истукан.
На плечах — кочан.
Посолишь густо —
Заквасится капуста!

Исправник вошел в гостиную, перекрестился на иконы и сел. Стул под ним скрипнул. Любимов хотел заговорить с исправником, но в это время в дверях появилось сразу двое гостей — отец Алексий и долговязый молодой человек.

— Алексей Михайлович Кривощеков,— представился молодой человек.

— Александр Акинфиевич,— ответил Любимов.— Здравствуйте, отец Алексий,— поклонил-

ся он священнику.— А вы что, уже успели познакомиться?

— Мы вместе подъехали к дому,— объяснил Кривощеков.

— Ну что же, вот и прекрасно. Тогда позвольте представить вам мою супругу Марию Тихоновну (Кривощеков поцеловал руку хозяйке) и нашего заводского исправника Шайдюка...

— Давно ли из Петербурга? — спросил Любимов, когда все уселись за стол.

— Да нет, недавно. Но зато, кажется, надолго: мне поручили составить доклад о положении дел на здешних заводах.

— И какое первое впечатление? — поинтересовался Любимов.

— Видите ли, я на Урале впервые и никак не мог предположить здесь столь развитую технику.

— Да, заводы растут,— сказал Любимов.— Шутка сказать, за последние десять лет одной только меди стали выплавлять раз в двадцать больше. Каждый год посылаем вам в Петербург сорок четыре тысячи пудов меди.

— Сорок четыре тысячи? — переспросил Кривощеков, видимо желая запомнить цифру.

— Да что там — сорок четыре! Могли бы и больше. Все дело в том, что Медный рудник все время затопляет водой.

— Но ведь воду, как я понимаю, можно и откачать!

— В том-то и штука, что нельзя. Конные машины не поспевают откачивать воду. У нас из-

за этого целый спор разгорелся. Двое механиков — отец и сын — взялись смастерить паровую водоотливную машину, а другой механик — штанговую. Чья будет лучше, пока неизвестно.

— Паровую, говорите? — удивился Кривощеков.— А сумеют ли ваши ньютоны создать такую машину? Для этого надобно неплохо разбираться в теории. Я бывал на петербургских заводах мистера Берда. Может быть, лучше заказать машину у него?

— Конечно, можно,— согласился Любимов,— но Черепановы уже построили одну для своего механического цеха. К слову сказать, этот цех вырос нынче в настоящую фабрику. Машина Черепановых — и я писал об этом в Петербург — может оказаться дешевле купленной у Берда. Я не говорю уже о перевозке.

— Если эти умельцы смастерят паровую,— усмехнулся Кривощеков,— нам останется только подивиться нашей матушке-России.

— Вы смеетесь, а они грозятся построить паровую телегу, пароходный дилижанс. И даже прошение подали.

— Помилуйте,— улыбался Кривощеков,— тут не до смеха. У меня такое чувство, будто я попал не в Тагил, а в Лондон. Это надо же — пароходный дилижанс!

— Вот вы тут толкуете о паровой телеге. А в церковь этих изобретателей не загонишь. Му́ка одна. О паровой телеге пекутся! Лучше бы о душе подумали,— сердито сказал отец Алексий.

— Что-то я никак не пойму, — неожиданно вмешался в разговор Гаврила Тарасович.— Как это все-таки может быть: телега без лошадей!

— А знаете, господа,— сказал Кривощеков,— нужна ли нам эта телега? Выгодна ли она нам? В Англии — другое дело. А в России, смею вас заверить, дешевле мужика купить, чем машину построить. Поставил подпаска к телеге — и пускай гоняет лошадей. Не до паровых телег.

— Ну что, Александр Акинфиевич,— поддержала Кривощекова Мария Тихоновна,— я давно говорю: дался вам этот самовар на колесах.

Любимов хотел возразить что-то, но не успел. В гостиную вбежала Наташа.

— Простите, я была в лесу, охотилась...

— Что же ты даже не поздоровалась? — заволновалась Мария Тихоновна.— Это наша дочь, Наталья Александровна,— обратилась она к Кривощекову.

Но гость едва слышал ее. Он во все глаза глядел на Наташу. Когда она села за стол, Кривощеков, слегка запинаясь, спросил:

— Так вы, стало быть, охотница?

— Еще какая! — ответила за нее мать.

— Я нынче на белок охотилась. Их до сумерек стреляют. Идешь с лайкой по лесу и ждешь. Лайка отыщет белку, подбежит к дереву и лает. Белка мордочку высунет — тут только не промахнись. У меня сибирка...

— Сибирка? — переспросил Кривощеков.

— Так мелкопульная винтовка называется.

Да что я вам рассказываю! Идемте завтра со мной, все сами увидете.

— С удовольствием!

Прощаясь, Кривощеков сказал Любимову:

— Нынче, любезный Александр Акинфиевич, я видел лучшее, что можно найти на ваших заводах. Мне придется наезжать в Пермь и Екатеринбург, и я надеюсь быть у вас частым гостем.

Глава VIII. НА ВЫЙСКОЙ ФАБРИКЕ

Механический цех Выйского завода часто называли Выйской фабрикой. И правда, цех быстро разрастался — там работало около пятидесяти рабочих. Лучшие мастера завода. Душой фабрики был Ефим Алексеевич. Здесь и готовили части будущей паровой машины.

Когда постройку паровой машины разрешили, Ефим Алексеевич сказал Мирону:

— Настоящие мастера ни одного винтика в машине не забывают, чтобы машина работала ладно и приносила людям пользу.

В первый день Мирон набросал рисунок будущей машины, показал отцу. Тот улыбнулся. Нарисовал сверху солнышко с длинными лучами:

— Вот и готово. Будем запускать?

Легко это — пером на бумаге. А потом началась настоящая работа: чертежи, описи, сметы... Надо ничего не забыть. Зато сколько радостей приносили удачи!

В последнее время на фабрику зачастил конторский служащий Данила Шкаликов. Выспрашивал, чем помочь. Слушал рассеянно и все шарил глазами по столу, словно искал что-то. «Странный человек!» — думал о нем Мирон.

Еще не закончили все чертежи, а на Выйском заводе по деревянным формам начали отливать части будущей машины.

Чем ближе к концу, тем чаще заглядывало начальство. И одно удивляло Мирона: откуда им так хорошо, до тонкостей известны их дела?

Но добро бы приходилось только работать. Так нет ведь — проклятые споры и пререкания с начальством отрывали столько времени, что, кажется, не будь их, не одну, а три паровых машины можно было бы сработать. Отец едва не каждый вечер откладывал в сторону чертеж или расчет, чтобы писать рапорт, или доказывал ясное всем: нужно, не теряя времени, вслед за этой паровой машиной, а еще лучше одновременно с ней, строить следующую. Получив очередной отказ, он заходил к Мирону, садился и, прижав кулаки к вискам, говорил:

— Ну скажи, Мирон, им хоть что-нибудь вдолбить можно?

Потом возвращается к себе — и снова за чертежи. Мирон всегда диву давался: откуда у отца столько выдержки?

У самого Мирона если что не ладилось, он дома усидеть не мог: седлал даренного отцом злого жеребца и гнал во весь дух в поле. Там спешивал-

ся и подолгу лежал в траве, глядя в небо. Потом шагом ехал назад. А возвратившись, всякий раз заставал одно: отец спокойно, словно и не заметил ничего, говорил:

— Знаешь, Мирон, а ведь я придумал, как нам быть. Иди сюда, расскажу.

Глава IX. ПОШЛА МАШИНА!

Работа над машиной подходила к концу.

Еще осенью удалось закончить изготовление всех деталей и корпуса машины — целого дома, покрытого двускатной крышей. Тогда же на специальном постаменте установили три самые крупные части — цилиндр, балансир и маховое колесо, на которых держалось все устройство. А в боковом помещении на прочном фундаменте смонтировали котельную установку.

Потом пошли изнуряющие мелочи: машину собирали, подгоняли одну часть к другой, проверяли все детали. За каждой прокладкой, каждым болтиком Ефим Алексеевич привык следить сам, никому не доверял. А за последнее время перестал доверять и своим глазам — зрение становилось все хуже и хуже. «Теперь ты будешь моими глазами,— сказал он сыну.— Только на тебя и надежда». Так вся работа легла на плечи Мирона.

И вот наконец 4 декабря 1827 года назначили испытание.

В машинный корпус Медного рудника съехались приказчики во главе с директором Александром Акинфиевичем. Задрав бороды, приказчики глазели на хитроумную конструкцию, трогали толстыми пальцами холодные детали, качали головами: «Экая, однако, штуковина...»

Данила Осипов хмуро заметил:

— Железа много ушло. И дрова опять-таки...

— Да ведь!..— рванулся вперед Мирон, но отец удержал его.

— Понимал бы ты что,— возразил за Мирона приказчик Петр Макаров.— Ты сравни эту машину со штанговой, это же храм! Сильная, красивая. А дров-то, ты в расчеты загляни, ерунда совсем уходит. Вот уж точно: ни уха, ни рыла не понимаешь, а туда же — судить!

— Это я-то ни уха, ни рыла? — встрепенулся Осипов.

— Будет спорить-то,— оборвал приказчиков Любимов.— Начнем испытание.

Ефим Алексеевич дал знак, и машина пришла в действие. Ровно закачался похожий на гигантское коромысло балансир, повернулось маховое колесо. Плавно пришли в движение все детали машины, потянули взад-вперед поршни насосов, выкачивая из рудника воду.

Пошла машина!

Замолчали приказчики, и чуть не запрыгал от радости Мирон. Еще бы! Конечно, без отца такая работа была бы ему не по плечу. Но ведь вместе с отцом он с первого дня чертил, рассчи-

тывал и строил эту машину. Как гордо поглядывал он на Любимова!

Ефим Алексеевич едва заметно подмигнул сыну: наша взяла, Мирон!

Пошла машина!

После испытания Ефим Алексеевич писал в Петербург Демидову:

...Паровая машина пущена мною в действие. Труды мои и сына моего увенчались совершенным успехом! Оная машина в 1 минуту выкачивает 60 ведер воды. Прежде постройки паровой машины для вытягивания воды из шахт устроено было 3 погона, при которых находилось в действии около 200 лошадей...

Из сего извольте усмотреть, что полезные устройства, облегчая силы трудящихся, увеличивают славу заводов.

Глава X. ДРУЗЬЯ ЗНАКОМЯТСЯ

Мирон оторвался от чертежа, отступил на полшага, поглядел. Снова склонился.

— Мирон,— раздался с первого этажа голос матери.— К тебе гость!

Мирон не успел повернуться, как дверь распахнулась, и на пороге появился сухопарый молодой человек. Одет он был по-заграничному: цилиндр, черный плащ, башмаки.

— Ну, что,— спросил гость, улыбнувшись,— не признаешь?

Мирон во все глаза глядел на гостя.

— Простите...— пожал плечами Мирон.

— Не прощу,— твердо ответил незнакомец, сбрасывая плащ и усаживаясь в кресло.— Никаких прощений! Слыханное ли дело своих не признавать! — С этими словами он приложил руки ко рту и прокричал: — Ку-ка-ре-ку!

— Андрей! — Мирон кинулся к приятелю.— Андрей, друг! Вот уж не чаял тебя увидеть. Слушай, да каким ты барином вернулся! Просто граф какой-то... Постой, да ты небось голодный? Мама, накрывай на стол, Андрей приехал. Только погоди! На обед ведь обязательно пельмени надо — так или нет?

— Неужели помнишь, что я пельмени люблю? — спросил Андрей.

— Еще бы! Все помню: и как кричишь по-петушиному, и как клад искали, и как вздули тебя — тоже.

— А клятву помнишь?

— На всю жизнь.— Мирон встал.— Клянусь, что не забуду Андрея Шведова до гроба!

— А ежели забуду, то пусть разразит меня гром! — рассмеялся Андрей.— Как давно все это было, даже не верится.

Они спустились вниз, в просторную гостиную, уселись за стол. Прислуга поставила Андрею тарелку с пельменями, Мирон сам подкладывал ему закуски.

— Отвык я от всего этого,— рассмеялся Андрей.— И от пельменей тоже!

— Ну вот и ешь! — радостно говорил Ми-

рон.— Давай я тебе на хлеб семги положу. Уж чего-чего, а поесть у нас можно. Впрочем, и в остальном достаток: дом в два этажа, каменный, прислуга.

— А где твоя жена?

— Она у тещи. Отца тоже дома нет. А я как прилип к столу, оторваться не могу. Черчу паровую машину для Владимирской шахты.

— Ну и как, получается?

— Да уж не впервой. Мы тут с отцом похитрее дело задумали. Может, бог даст... Да что мы все про меня, ты лучше про себя расскажи — полмира исколесил, наверное.

— Понимаешь, брат, трудно вот так сразу говорить. Я одно твердо знаю: не зря там время провел. Столько изучил — химию, математику, физику. Узнал, как иностранные машины работают, как заводы устроены. Так и чешутся руки поскорее начать работать, пользу приносить. Я такие, брат, перевороты задумал, рассказывать — недели не хватит.

— Погоди с переворотами,— сухо сказал Мирон.— А то гляди — тебя самого перевернут!

— Знаешь, я ведь не ребенок, многое заметить успел,— задумчиво проговорил Андрей.— Взять хотя бы первые расспросы. Я ведь только приехал. Такое чувство, черт возьми, домой вернулся! И мысль одна в голове: служить своей родине, как говорят, до последнего. Ведь затем и приехал! А знаешь, что меня прежде всего спросили? Сколько ямщикам переплатил. Ни планы

мои, ни наука, ни заводы заграничные — ничего их не интересовало. Только чаевые — три рубля. Я сразу протрезвел.

— Погоди, привыкнешь. Ты где остановился? Может, у нас поживешь?

— Да нет. Меня Александр Акинфиевич, как он выразился, под свою опеку взял. А хорошо это или плохо — я и сам не знаю.

— У Любимова, стало быть, жить будешь,— сказал Мирон.— Видно, он решил получше тебя разглядеть.

— У меня, слава богу, лучшие аттестаты.

— Да что начальству твои аттестаты! Не в них дело. Им понять надо, чем ты дышишь, что за человек.

— Ах, вот оно что...

— То-то и оно. Ну пойдем наверх, там уж, наверное, постели застелили.

В комнате Мирона на широких лавках были постланы кошмы, подушки, медвежьи шубы.

— Тебе еще ничего,— усаживаясь, сказал Андрей.— А мне все заново. Ведь и говорить по-русски отвык. И что крепостной, забыл.

— Тут напомнят.

— Что, очень худо?

— Ежели не думать об этом, то ничего. Понимаешь, работы полно. Нынче, например, начали новую паровую машину собирать. Так ведь и нарисовать все надо, и расчет сделать, и модель.— Мирон мотнул головой в сторону стола.— Поверишь, сутками над столом горбачусь. А модель

делали — по четыре часа спали. Так работаешь, что и задуматься некогда. А потом, мы другим не ровня, сам видишь. Нашу семью, понятное дело, продавать не станут. Это и говорить глупо! Но суть в том, что право на то есть, понимаешь? Есть право нас продать и купить! Подумаешь порой обо всем этом, жить не хочется.

Мирон помолчал, потом продолжал:

— Тут у нас заводская школа, ты знаешь, на сорок мальчишек. Там, кстати, мой двоюродный брат Аммос учится, смышленый малый, по всему видно, будет нам помощник. Чертить уже сейчас лучше меня может. Ну да это к слову, а дело вот в чем. Лет десять — двенадцать назад решили было школу расширить. Так вот, знаешь, как тогдашний управляющий на это возразил? «Детей в школе и так хватает, больше покупать мальчиков не следует». Я тут рылся в старых бумагах и как на это «покупать мальчиков» натолкнулся, меня словно по сердцу резануло. Вроде все знаешь, а стоит самому столкнуться...

— Видно, нелегко мне здесь будет.

— Думаю, да. Но ты знал, на что возвращаешься. Мог бы остаться.

— В этом-то и дело! — горячо заговорил Андрей.— Ведь Демидов сам не верил, что я вернусь. Мне доподлинно известно, что он в письмах просил меня уговорить назад приехать. Еще бы! Столько денег в мое образование вложил. А ведь мне там выгоднейшие работы предлагали!

— Ну так что же ты?

— Зачем я вернулся? Как собака к хозяину или как человек, желающий сделать что-то для людей? Ведь тут... тут все менять надо!

— Все менять! Ты говори, Андрей, говори, да не заговаривайся. Я больше в машинах понимаю, а Аммос часами дедов слушает, всякую минуту урывает. Вот он и рассказывал, что от дедов слыхал. Старики рассказывают, что обманули нас заводчики. И не только нас.— Мирон наклонился поближе к товарищу и зашептал: — Заводчики и царя Петра Первого обманули. Петр, когда Урал отдавал, наказывал, чтобы Демидов работных людей не обижал, чтобы в месяц неделю человек на своей земле работал, всякому работнику возили на завод по возу сена и по пять возов соломы и чтобы люди оставались вольными, как прежде. Старики говорили, так сперва и шло. Но недолго. Демидов людей обманул, и многие бежали, их ловили и заковывали в цепи.

Мирон помолчал. Андрей слушал, стараясь не пропустить ни слова.

— Так вот. Рабочие решили пожаловаться царю. Петр их выслушал и осерчал страшно. Приходит на другой день к боярам и спрашивает: «Можно ли мне отцову одежду носить?» — «Нет, говорят, заслужи».— «Ах, так...— отвечает Петр.— Тогда и вы заслужите чужой землей владеть». И велел всю землю на Урале отдать крестьянам. Но потом Петр Первый умер, и заводчики снова стали рабочих притеснять.

— Хорошая сказка!— сказал Андрей.

— Не веришь?

— Нет. Ты заступников думаешь найти, а свое счастье самому добывать надо.

— А я верю. Вот бы мне увидеть царя — и хлоп в ноги! Батюшка всемилостивейший, дай волю — всю Русь машинами застрою, печки ходить научу, то-то жизнь будет русскому народу! Я в себе такие силы чую, Андрей! Да не в себе одном. Сколько тут у нас талантов погибает! А царь... он просто не знает, вот в чем закавыка!

— Не знает, говоришь? — слегка улыбнулся Андрей.— Давай я тебе лучше загадку загадаю: что заводчику выгоднее — людей покупать или машины строить? Что дешевле?

Мирон задумался.

— Людей покупать,—неохотно признал он.

— Вот тебе и ответ. А царь, он ведь тоже... Впрочем, ладно. Бог даст, поглядим...

И он принялся рассказывать Мирону про Европу, которую изъездил вдоль и поперек, про тамошних людей, обычаи.

Глава XI. ДНЕВНИК ШВЕДОВА

Нижний Тагил, 15 мая 1829 г.

Всю ночь не спалось, я вскочил спозаранку. К окнам подкрадывался густой туман. Он напомнил мне Лондон, куда я часто ездил из Франции. На душе стало нестерпимо больно, чтобы не разрыдаться, я выскочил из дома вон.

Воздух был свеж, почти холоден. Я оглянул-

ся окрест: словно из сказочной дымки, из тумана выплывали рубленые избы с небольшими окнами и синими ставенками, крытые тесом темные дворы походили на крепости.

Бог мой, Франция! Кажется, я там не был вовсе. Вот так и просидел всю жизнь здесь таким же крепостным, как мой отец и дед. И лучше бы так! Из тюрьмы на время не выходят. Не видеть бы мне ничего другого и считать, что так и надо. Вон отец удивляется: «Чего ты недоволен? Живешь себе как у Христа за пазухой — директор тебя в свой дом взял; шутка сказать, каждый день вместе обедаете. Да о такой милости ни один крепостной мечтать не смел, а тебе мало».

Мало! Не нужны мне их милости. Лучше уж на руднике работать, чем вот так — бить целый день баклуши, а в обед развлекать господина Любимова разговорами о Париже. Ведь подумать только, чем я занимаюсь: делаю какие-то опыты по производству железа, обучаю местных ребят химии, оборудую лабораторию. Нужно было учиться столько лет! Еще два года такой работы — и пиши пропало мое образование, начинай все сызнова.

Все свободное время — а у меня его предостаточно — просиживаю у Черепановых. С Ефимом Алексеевичем поговоришь — и на душе легче, такой человек. И с Мироном у нас тайный сговор.

Мы с ним и Ефимом Алексеевичем делаем расчет и чертежи пароходного дилижанса, или

паровой телеги. До поры до времени мы об этом молчок. Посвящены только самые близкие люди.

И еще тайна! Я, кажется, влюблен. И в кого! В Наталию Любимову, дочь директора. Все началось с вечерка, так называется один местный обычай.

Позавчера вечером мы с Мироном вышли прогуляться. Возле одного из домов он остановился и, улыбаясь, заметил:

— Гляди, у Макаровых вечерок!

— С чего ты взял?

— Ну вот,— рассмеялся Мирон.— Ты уже и обычаи наши позабыл. Посмотри на ставни.

Ставни были приоткрыты, и из окон на улицу падал слабый дрожащий свет.

— Это и есть знак,— сказал Мирон.— Идем!

Мы зашли в избу. В горнице, освещенной вставленными в трезубец лучинами, собралось уже много молодежи. В переднем углу на скамьях сидели девушки и протяжно напевали. Все они были в праздничном: красных или голубых сарафанах с позументом. Из-под них виднелись белые кисейные рубашки с широкими рукавами. Сильно пахло деревянным маслом, которым девушки смазывали свои волосы, заплетая их в одну косу с широкой алой лентой. У некоторых из них на ногах были ботиночки, у других — изящные лапоточки.

— Смотри-ка, Мирон гостя привел! — сказала одна из девушек.— И важный какой гость-то. Одет не по-нашему.

Девушки рассмеялись.

Я смутился.

— Будет смеяться-то! — послышался из глубины комнаты глубокий грудной голос, показавшийся мне очень знакомым.— Садитесь, Андрей Иванович, хорошо, что зашли. Теперь уж мы вас до конца вечера не отпустим.

К нам подошла моя давняя знакомая Наталия Любимова.

Девушки затянули долгую песню «Выбор милого», и под эту песню в середину комнаты вышла Наташа и поплыла. Я словно впервые увидал ее — так хороша она была в эту минуту. Девушки пели.

И как только дошли до слов «девчонка милого друга выбирала», Наташа подошла ко мне и низко поклонилась.

— Иди, Андрей,— толкнул меня в бок Мирон.— Пригласили тебя.

Я встал и неуклюже вышел в круг. Девушки снова запели. Только теперь я почти ничего не слышал. На словах «парень милую выбирает» песня оборвалась. Я стоял подле Наташи, почти вплотную. Она потупилась.

— Теперь целуй три раза! — крикнул хозяин дома.

— Целуй, целуй! — словно издалека долетели до меня чьи-то голоса.

— Ну целуй же,— прошептала Наташа.— Целуй.

Я поцеловал ее.

20 июня 1829 г.

Как хочется общаться с миром!

Стоит только представить, что где-то за тысячи верст от Тагила творятся величайшие дела — строятся необычайные машины, решаются труднейшие задачи, создаются теории,— как становится горько и обидно: ты навсегда оторван от этой жизни. Слава богу, моих западных преподавателей интересует Урал — география, минералогия, металлургия, и это, быть может, заставит их поддерживать связь со мной. А ведь это уже счастье — переписываться с образованными людьми, получать их советы, узнавать последние новости.

Мне повезло: на Урал приезжает важный гость. Да кто! Королевско-прусской службы тайный советник господин барон Гумбольдт. Известнейший ученый! Я был у него в Берлине и, по-моему, понравился: во всяком случае, он просил в Петербурге, чтобы в путешествиях по Уралу его сопровождал я. Я встречал его в Екатеринбурге, и мы неделю пробыли там: осматривали город, окрестные заводы. Дорогой побывали на золотоносных россыпях, на Невьяновском заводе.

15 июня 1829 года приехали в Нижний Тагил.

К встрече все было приготовлено: Александр Акинфиевич дал в честь барона обед. Из крепостных был только я. Надо сказать, мне было не до обеда — приходилось переводить. Приглашенные на обед заводской исправник Шайдюк и отец Алексий языка не знали.

Шайдюк заметил у меня французскую книгу. Это был мой учитель — выдающийся французский металлург Пьер Бертье.

— Сомнительная штука, эти самые французские книжки,— неодобрительно пискнул он.— Иная вроде бы про металлы, а приглядись — черт знает что понаписано! Дай мне волю, и я бы этот Запад с ихними свободами да конституциями на пушечный выстрел к Уралу не подпускал.

Я промолчал. Только на нашем, богатом металлами Урале можно отлить такой медный лоб!

Отец Алексий при этих словах строго поглядел на него и неожиданно вставил:

— Учиться нам надо поелику возможно. Знания свои таить — грех.

Обед прошел довольно мило, и как хороша была Наташа! Я влюблен по уши. Что-то будет?

В 9 вечера, несмотря на протесты Любимова, Гумбольдт пожелал осмотреть Медный рудник — самый известный на Урале.

— К чему такая поспешность, ваше превосходительство? — уговаривал Любимов. — Посмотрим завтра утром.

— Простите, но у меня все расписано,— отвечал Гумбольдт.— Я записал осмотр Медного рудника на 15 июня 1829 года, а раз так, могу ли я отложить это посещение?

Пришлось везти его на Медный рудник. Отец Алексий и исправник не поехали. Зато вызвали Ефима Алексеевича Черепанова и Мирона. Вместе с ними поехал приказчик Степан Козопасов,

человек способный, но горький пьяница. Мирон показывал водоотливную паровую машину, поставленную им вместе с отцом на Анатольевской шахте. Барон страшно заинтересовался: сам всюду лазил, перепачкался с головы до ног, но доволен, все приговаривал по-русски:

— Ошень карошний машин. Ошень, ошень! Я такой шлавной машин в Германия не видал.

Потом вытер руки тряпкой, отряхнулся, подошел к Мирону и принялся расспрашивать подробности.

— Давно построили? — спросил он.

— Примерно с год,— ответил Мирон по-немецки.

— Сколько воды поднимает?

— Двадцать два кубических фута в минуту, почти двести лошадей заменила.

— Вот это да! — воскликнул барон и снова по-русски: — Ошень карашо.

Барон ходил вокруг машины и потирал ладони — так был доволен. Потом перевел взгляд на козопасовскую штанговую машину, на ее громадные шатуны, которые тянулись от Медного рудника до самого Тагильского пруда.

— Ну и ну,— удивился барон, подходя поближе.— Вот так конструкция! И сколько на нее денег ушло?

— Десять с половиной тысяч,— ответил через переводчика Козопасов.

— А на паровую?

— На тысячу меньше.

— По плану штанговая машина должна помогать паровой и заменять ее во время аварий,— вмешался Любимов.

— А часто ломается паровая машина?

— Ни разу,— сказал Мирон.

— Так, так...

Барон наконец оторвался от паровой машины.

— Зер гут,— сказал он и похлопал Мирона по плечу.— Ошень молодец!

Когда мы уходили с рудника, Любимов на минуту приотстал, и мы оказались наедине с Гумбольдтом.

— Скажите,—спросил он,—а эти два талантливых изобретателя — тоже крепостные?

— Да,— ответил я.

— И господин Демидов может их продать?

— Да.

— Это ужасно. У нас в Германии они были бы богаты и уважаемы. А здесь ведь их могут наказать кнутом, оторвать от семьи, сослать, правда? Знаете,— тут он совсем понизил голос,— я не понимаю, что вас держит здесь, в этой варварской стране. Ведь вы образованный человек — почему вам не уехать, не начать новую жизнь?

— Я думал об этом. Не знаю... Не могу.

— Почему? Если вам потребуется помощь, любая — работа, деньги,— можете рассчитывать на меня.

Я промолчал.

Не дождавшись ответа, он тихо сказал:

— Я не знаю, как сложится ваша жизнь здесь. Я постараюсь поговорить о вас с господином Демидовым. Но что бы ни было — можете рассчитывать на меня.

В это время к нам подошел Любимов, и разговор оборвался.

30 августа 1829 г.

Что за человек Любимов?

Еще вчера он казался мне безликим хозяйским прислужником. Сегодня я ничего не понимаю. За какие-то два часа в моей жизни все круто переменилось. Да как!

Я зашел в контору за каким-то пустяком — потребовалась проволока для опытов,— Любимов сидел один в своем кабинете.

— Садись! — сухо приказал он, не поднимая головы. Потом, помолчав немного, спросил: — Недоволен, стало быть? Работать тебе не дают? Пароходный дилижанс не спросясь строите? Ну что молчишь, язык проглотил?

Я обомлел: откуда ему все известно? О нашей работе и моих недовольствах не знал никто, кроме самых близких людей.

Я промолчал.

— Ладно,— сказал он уже мягче.— Выкладывай. Чего там у тебя накопилось?

— Я не знаю,— начал я,— откуда у вас эти сведения, но все правильно. Мы строим пароходный дилижанс, вернее, не строим, а только делаем расчет. И слава богу, хоть это у меня есть! Настоящей-то работы вы мне не даете! Зачем я

учился столько лет? А что до пароходного дилижанса, то за ним будущее. В Англии они сделали целый переворот!

Я вскочил и прошелся по комнате. Вот всегда так — не могу говорить спокойно.

— Сядь,— сказал Любимов, не повышая голоса.— Сядь. Ишь развоевался! Дело, говоришь, тебе дать? Да ты погляди на себя — над тобой мальчишки смеются, так вырядился. Я давно хотел у тебя спросить: ты когда русскую одежду носить будешь? Тут ведь тебе не Франция.

Никогда раньше я не задумывался, что одет не как все. Впервые это пришло мне в голову тогда, на вечерке. Но уж больно странно казалось: натянуть на себя сапоги, надеть косоворотку, картуз.

— Не знаю,— ответил я.— И потом... внешний вид не главное!

— Не главное? — Он усмехнулся.— А что есть главное, ты мне можешь сказать?

Я молчал.

— Вон Гаврила Тарасович,— продолжал он,— сними с него мундир, он кто будет, а? Что от него останется? А ты — внешний вид... Так-то, братец. Ты вот что,— усаживаясь поудобнее, продолжал он.— Ты мне спокойно расскажи про этот самый дилижанс, или паровую телегу, уж не знаю, как его назвать. Бери перо, бумагу — черти, рассказывай.

— Принцип работы,— начал я,— тот же, что и в паровой машине, а устроен он так.— И я при-

нялся рисовать на листке бумаги пароходный дилижанс.— Колеса приводятся в движение паром с помощью...

Рисуя, я все больше забывал о Любимове, увлекаясь подробностями.

— Сделать мы его можем. И поставить бы его возить руду от Медного рудника до Выйского завода — вот было бы дело! И не надо у Берда заказывать — сами бы сделали...

— Не выйдет! — перебил меня Любимов.— Не выйдет, ничего здесь не выйдет! — Он словно говорил сам с собой.— Дело не только в доверии. Демидовы не против машин, могли бы и своим заказать. И лес бы жечь разрешили, тут тоже что-то доказать можно. Дело в том, что здесь человек и лошадь стоят одинаково — понимаешь ты это? — Он тряхнул головой, потом поглядел на меня и сердито сказал: — Вот что. Мы сейчас Мирона в Англию посылаем заводы осмотреть. Официального приказа на то не было, но, я думаю, пусть заодно насчет этих самых дилижансов разнюхает — что там у них да как. А там поглядим. Наверное, дадут разрешение. Теперь слушай, ты Медный рудник знаешь?

— Еще бы!

— Совсем разваливается рудник. Меди дает все меньше и меньше: разрабатывать у нас толком не умеют — вот беда. Но я вот к чему веду: управлять рудником будешь ты. Вот тебе дело, сможешь себя показать. А не справишься — головы не сносить. Ясно?

— Ясно! — Я даже вскочил от радости, чтобы поблагодарить его, но он остановил меня.

— Погоди,— сказал он будничным тоном.— Я тут слыхал — тебе вольную давать собираются. За то барону своему Гумбольдту в ноги поклонись: он самолично перед Демидовым за тебя просил. И еще...

Но дальше я уже ничего не слышал. Не помню, как вылетел из любимовского кабинета, как несся по улицам, крича во весь голос:

— Свободен! Свободен! Свободен!..

Я остановился где-то на окраине Тагила. Неподалеку от меня стояли двое мужиков и Гаврила Тарасович. Поднося здоровый кулак к лицу одного из них, исправник пел тонким голосом:

— Я тебя в руднике сгною, понял?!

Увидав меня, он отвернулся и зашагал прочь.

Радость моя мгновенно улетучилась, и я уныло поплелся домой.

Глава XII. НЕУДАЧНЫЙ РАЗГОВОР

— Не понимаешь ты меня, Мирон! — воскликнула Наташа.— Ты сам посуди: ведь я не чета здешним барышням. Я... я все могу! Смотри! — Она выставила вперед руку, считая по пальцам:— На лошади верхом — могу? Могу! Стрелять — могу? Могу! По-французски — могу? Могу! Танцевать... Если бы ты только понимал, как я могу танцевать! Больше того, я про себя

знаю: дай мне в Петербурге дом — любой, самый высший, я бы его еще краше сделала. Весь свет бы у меня собирался. Я бы такие балы давала! Ты думаешь, чего ради Кривощеков сюда ездит? Шестым чувством угадывает.

— Так вы что, замуж за него выходите? — спросил Мирон.

Они сидели на скамье возле Выйского пруда.

— О господи, какой же ты! Так сразу — замуж! Я люблю Андрея, при чем тут это все?

— Оттого я и говорю с вами. Ему грустно, одиноко в Тагиле. Думаю, что где-нибудь во Франции или Германии он тоже не найдет себя. Там он будет слишком русский, как здесь — слишком западный.

— Я бы создала ему дом где угодно!

— Опять: «Я, дом»! Может, ему не надо где угодно. У него дом здесь. Его родина — Тагил. Ему не уезжать, а возвращаться надо. Знаете, Наташа, я иногда думаю, что вы не понимаете Андрея. Простите за откровенность.

— Пожалуйста! Мы разные люди. Он — недавний крепостной, а я — дочь директора. Но потому-то я вместе с ним, что он незаурядный человек. Откажись он от Тагила, перед ним все двери откроются. А я ему верный друг. Но хоронить здесь свои лучшие годы...

— Вы знаете, Наташа, как награждали моего отца? — вдруг спросил Мирон.

— Точно не знаю. Слыхала что-то насчет серебряной медали.

— Тогда послушайте. Долго не задержу. Дело в том, что об отце, вернее, о его искусстве прослышал главный начальник горных заводов Урала. Доложили ему и мнение барона Гумбольдта. Узнав все это, он написал в Министерство финансов просьбу о поощрении отца золотой медалью.

— Золотой?

— Золотой. Да только министры решили, что золотая медаль — слишком большая честь для крепостного. И дали серебряную.

— Я не знала.

— Но дело не в этом. Когда отец узнал о награждении серебряной медалью, он сказал: «Лучшая награда для меня — завершенное дело». И только. Я думаю, и для Андрея лучшая награда — завершенное дело. А там, наверху, он навсегда останется чужим.

— Может быть, ты и прав,— задумчиво произнесла Наташа.— Но не могу же я, в конце концов, думать только о нем!

— А говорите — любите,— сказал Мирон.

Глава XIII. ПРОПАВШЕЕ ПИСЬМО

Андрей открыл окно и выглянул во двор своего нового дома. В лицо пахнул запах весны, воздух пьянил своей невероятной свежестью. «Четвертая весна дома,— подумал он,— или, напротив, четвертая весна на чужбине?»

— Андрей Иванович,— услыхал он детский голос.— Андрей Иванович дома?

— Заходи, открыто,— ответил Шведов.

На пороге показался мальчуган лет десяти.

— Вам давеча письмо приносили, я взял,— затрещал он и протянул конверт.

— Погоди-погоди, ты, трещотка, объясни сперва, кто ты таков?

— Я-то?

— Ты-то.

— Я — Петруша, соседский сын.

— Ну вот. А это что?

— Письмо.

— Так, теперь все ясно.— Шведов взял конверт.— Молодец, Петруша. Вот тебе на пряники.

Петруша вмиг спрятал деньги за щеку и снова затараторил:

— Тут дяденька один приходил, просил письмо отдать...

Но Шведов уже не слушал его трескотни, он разглядывал конверт с английским обратным адресом: «Мистеру Черепанову, контора Спенса, г. Гулль, Англия».

— Ага! — радостно воскликнул Шведов.— Не забывают нас старые друзья. Что же, почитаем мистера Черепанова.

— ...а я говорю, не дам письма...

— Ладно, ладно,— сказал Шведов,— держи еще на леденцы и иди с богом!

Потом сел к столу и развернул письмо.

...Вот я и в Англии! — писал Мирон.— *Чем дольше живу, тем больше удивляюсь. Впрочем, по порядку. Мы приплыли в Гулль в понедельник утром — и сразу в контору мистера Спенса. Вручили ему рекомендательное письмо петербургской конторы. В нем просили помочь мне и Коле Попову, который, как ты знаешь, приехал со мной взять уроки химии, металлургии и железоделательного производства.*

Приняли нас отлично. Меня, правда, сперва немного чурались: сапоги, косоворотка, борода — на денди я не похож. Потом привыкли. А вот Коля даром что наш, тагильский, но надел фрак, побрился — и вылитый лорд. Не успел приехать, как познакомился со здешней девушкой Луизой Паркер. Ее отец один из владельцев железоделательных заводов и вдобавок держит колбасную лавку, но даже этим не кичится. Колю принял не по одежде, а по уму и обласкал. Боюсь, что Коля вернется теперь не скоро...

Но ежели останется, то придется ему хлебнуть лиха — слишком уж хитер здешний народ.

На днях посещал один завод, гляжу: железо больно знакомое. И что же ты думаешь? Заводчик, подлец, наше уральское железо скупает, клеймо переставляет и продает как свое. Покупает по 20 фунтов стерлингов за тонну, а продает по 32 фунта. Вот урод! Тут время не теряют. Наш брат пока бороду почешет, у них все готово: купил, продал — и гуд бай!

Андрей оторвался от письма, задумался, живо представил себе Мирона, стоящего в сапогах и косоворотке в Англии где-нибудь посреди тор-

говой площади. Прохожие снуют взад и вперед, бросают на него косые взгляды, а он раздумывает: вспоминает образцы уральских товаров с аглицкими клеймами. Андрей усмехнулся и снова взялся за письмо.

Сейчас — главное. Железная дорога, которую я видел здесь, выгодна и полезна. Отец еще давно наблюдал в Англии паровые телеги. Они ему не понравились: громоздкая конструкция, рельсы с зубьями и многое другое. Он писал тогда, что на Урале такие машины не нужны.

Нынче все переменилось. Громадный поезд тянет по гладким рельсам одна паровая телега. И как тянет — легко, шибко. Только знай в топке огонь поддерживай. Я едва не всю дорогу шаг за шагом прошел, в самом пароходном дилижансе что возможно разглядел, а дома по памяти зарисовал.

Знаю точно: на Урале паровая телега нужна и мы ее собрать можем. Будет от Медного рудника до Выйского завода руду возить. Заменит лошадей и людей. Ни Шайдюк, ни отец Алексий нам помешать не смогут. На обратном пути подам прошение насчет телеги в Петербургскую контору.

Лет десять назад тут тоже спорили. Герцог Кливлендский, к примеру, боялся, что дилижанс дичь в его лесах разгонит, охота пропадет. Но купцы его переспорили, отстояли дорогу. Потом решали, какой паровоз пускать. Один додумался лошадь в ящик впрягать, чтобы колеса крутила. Устроили паровозные гонки. Чей паровоз выиграет, тот и пустят. По всему городу развесили объявления о конкурсе. Даже в газетах напечатали.

Я одно такое объявление в старых газетах отыскал и посылаю тебе.

Ну вот и все. Ты мне пиши, не забывай. Как у тебя с Наташей? Может, свадьба не за горами? Любимова постарайся подготовить, а я как приеду, начнем вместе — ты, отец и я — строить пароходный дилижанс.

Обнимаю тебя, твой Мирон.

Кроме письма, в конверте лежала газетная вырезка. Андрей развернул ее.

ВНИМАНИЕ!

Разрешенная Правительством его величества короля Великобритании Акционерная компания по сооружению железной дороги между городами Ливерпулем и Манчестером объявила конкурс на лучшую паровую машину для перевозки господ пассажиров и грузов.

Машина, удовлетворившая назначенным условиям, получит премию в пятьсот фунтов стерлингов.

Состязания на специально отведенном участке железной дороги длиною 1,75 мили у местечка Ренхилл, вблизи Ливерпуля.

Директор общества Д. Гаррисон

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

1. Согласно указу короля Георга IV, паровоз должен сжигать свой собственный дым.

2. При весе в шесть тонн паровоз должен везти поезд весом двадцать тонн со скоростью пятнадцать миль в час.

3. Котел и машина должны покоиться на рессорах и шестиколесном ходу. Дымовая труба не должна возвышаться более чем на пятнадцать футов над головкой рельса.

4. Вес паровоза вместе с водой и топливом не должен превышать шести тонн. Паровоз меньшего веса будет иметь предпочтение.

5. Стоимость паровоза не должна превышать пятисот пятидесяти фунтов стерлингов.

Андрей задумчиво повертел в руках объявление, потом отложил в сторону.

— Там купцы отспорили,— сказал он.— А у нас кто? Ладно, бог даст, поглядим...

Маленькая кукушка высунулась из стенных часов и прокуковала десять раз.

— Вот те на́! — воскликнул Шведов.— Да я же на рудник опоздал!

Он спешно собрался и выскочил на улицу, даже не закрыв за собой дверь.

А вечером случилось непонятное: письмо со стола пропало. Он перевернул вверх дном весь дом, но не нашел ничего.

Глава XIV. ПЕРВАЯ РАЗМОЛВКА

Стоял чудный весенний вечер. Словно замерла черная вода реки Тагила. Столетняя разлапистая липа клонила длинные свои ветви к самой воде. И лишь неумолчный гул невидимых ночных существ нарушал тишину. В молодой

траве копошились первые майские жуки, плескались рыбы, переговаривались птицы. Лес, река, поле жили своей какой-то сказочной и непонятной человеку жизнью.

— Хорошо! — сказал Андрей, нежно обнимая Наташу.— Знаешь, вот в такие вечера я верю в русалок, домовых, леших...

— А мне всегда хотелось увидать Хозяйку Медной горы.

— Ты сама как Хозяйка Медной горы.

— Нет, правда,— сказала она,— я еще девчонкой в Петербурге мечтала увидеть Хозяйку Медной горы. Верила, что обязательно встречу, и тогда случится что-то сказочное. Да так и не встретила.

— И страшно разочаровалась.

— Знаешь, да. Ничего сказочного не случилось. Вместо волшебницы, о которой мечтала, я увидела этих несносных мужиков, вместо Медной горы — Медный рудник...

— А вместо царевича — нищего горного инженера,— добавил Шведов.

Она промолчала. Андрей убрал руку с ее плеча.

— Прости, Андрей,— продолжила она чуть спустя,— право слово, я не хочу тебя обижать, но иногда мне кажется, что здешняя жизнь просто загубит меня. Сделай что-нибудь, милый! Мне уже двадцать два, и я не хочу пропадать в этом медвежьем углу!

Шведов промолчал.

— На днях заезжал Кривощеков,— осторожно начала Наташа,— рассказывал о Петербурге, у меня все сердце изнылось. Балы, праздники — это тебе не Мирон с его машинами, водокачками, мастерскими! — Она досадливо обернулась к Андрею.— И не смей мне худо говорить о Кривощекове! — прибавила она.— Он очень, очень мил и прекрасно воспитан.

— Да я слишком мало знаю его, чтобы говорить,— растерянно пробормотал Андрей.— Он показался мне честолюбом, но это ровно ничего не значит.

— Я так и знала! Как ты все-таки несправедлив к людям! Он честолюб, а ты... ты всю жизнь проведешь на этом злосчастном, ненавистном руднике! — Она заплакала.— Я пойду! — И, резко поднявшись, Наташа побежала домой.

Глава XV. НА БОГА УПОВАЕМ!

Отец Алексий сидел возле простого струганого стола на табурете и что-то писал. Клетушка располагалась за заводской церковью и немного напоминала тюремную камеру: небольшое оконце, забранное решеткой, под самым потолком, тяжелая дубовая скамья, две табуретки и старинная икона, под которой теплилась лампада.

В дверь постучали.

— Заходи! — сказал отец Алексий, не оборачиваясь.

Данила Шкаликов отворил дверь и прошмыгнул внутрь клетушки.

— Ближе, ближе подойди! — приказал отец Алексий.— Ну что у тебя, выкладывай.

— Я письмо украл,— заговорил Данила, теребя в руках картуз.

— Плохо. Заповеди господни нарушаешь. Но ежели во спасение или во благо церкви, то отпущается тебе сей грех.

— Во спасение,— пробормотал Данила,— то есть во благо... В общем,— тут он наклонился к священнику,— собираются они свой самовар на колесах по Тагилу пускать. Мирон своему антихристу Шведову так и пишет: в лепешку расшибемся, а пароходный дилижанс сделаем.

— Так, так, а что еще там написано? — поинтересовался отец Алексий.— Только ты не наклоняйся так близко, перегаром от тебя шибает.

— А еще написано,— заговорил Данила, доставая письмо и отодвигаясь,— еще написано, что и сказать неприлично.

— Да что же там, читай,— досадливо поморщился священник.

— Написано: ни Шайдюк, ни отец Алексий нам не помеха. Обведем их, мол, вокруг пальца. В Петербургскую контору прошение подали.

— Что это ты заврался. Ну-ка, дай письмо!

— Все точно,— сказал Шкаликов, протягивая письмо.— Вот вам крест!

Отец Алексий взял письмо, с минуту поглядел и бросил на стол.

— Ах, так! — вскочил отец Алексий и мелкими шажками засеменил из угла в угол.— Ладно, ладно. Ох, Мирон, обуяла тебя гордыня! Спесито с тебя посбивать не мешает. Дилижанс задумал, а у самого ума недостает в православную веру перейти. В церковь не ходишь, крещения нашего не признаешь! А тут еще в Петербургскую контору жаловаться вздумал. Ну ладно, найдем и на тебя управу. Вот как деньги хозяйские загубишь, а дилижанс не сделаешь, тогда будет тебе Петербургская контора. Говори дальше! — приказал он Шкаликову, усаживаясь на место.— За Шведовым следил?

— Следил. Давеча их с Натальей Александровной выследил. Сам возле камышей прятался, весь вымок. Теперь хвораю. Иной раз думаю: вот кусок хлеба у меня хуже, чем в шахте!

— Ладно, ладно, внакладе не будешь. Что они говорили между собой?

— Я не все слыхал, она про Петербург сказывала: хочу, мол, туды — и все тут. А он молчал.

— Еще бы — молчал! Чего он возразить-то мог? Хорошо, это ты меня на верную мысль навел. Мирону без него ох как трудно будет свой дилижанс смастерить! Вот тут-то мы все и сделаем, с божьей помощью.— Он перекрестился.— И их сиятельству господину Демидову написать надо. Лучше уж за границей дилижанс купить, чем раскольников так возвышать. Целый поселок православной веры не признает. Нечего им дьявольские машины разводить, сие есть искус.

— Верно, отец Алексий, он самый — искус,— поддакнул Данила.

— Помолчи! Ты лучше скажи: тебе Любимов сколько платит?

— Что вы, батюшка, только вам и служу, за веру господню ратую! — Он перекрестился.

— Знаю, что ратуешь. Отвечай как на духу: сколько от Любимова получаешь?

— Только вам, батюшка, служу!

— Не лги, иуда! От церкови отлучу!

— Ежели так, тогда другое дело. Стало быть, вот.— Данила наморщил лоб и выставил вперед пятерню для расчета.— Стало быть, за рабочих-смутьянов — три рубля, за управляющих — пять рублев, за Черепановых и Шведова вкупе — шесть рублев и за вас, батюшка, рупь. Всего пятнадцать рублев в год, не считая жалованья.

— Так ты, шельма, на меня доносишь! — закричал отец Алексий.

— Только для отвода глаз и согласился. Молчу про вас завсегда. Потому и получаю всего рупь. Мог бы такую деньгу зашибить!

— Да я тебя самого зашибу, христопродавец! — закричал отец Алексий, хватая со стола писание в тяжелом кожаном переплете.

— Пощадите, батюшка! — упал на колени Данила.— Сами приказали — как на духу. Вот я и признался.

— Ну ладно, встань, другого о тебе все равно не подумаешь. На, держи деньги и помни: я заплачу лучше Любимова. А сделаешь вот что.

Про Наталию Александровну и Шведова Любимову сообщи, да похлеще. Пусть знает, кого вырастил. За Черепановыми смотри в оба. И с Выйской фабрики не вылезай. Делай что хочешь, но чтобы дилижанс не пошел. Ясно тебе?

— Да я, батюшка, в этом самом дилижансе ни уха ни рыла!

— Сообразишь,— произнес отец Алексий.— И чтобы никому ни полслова! А со Шведовым меня бог надоумил, тут хитростью надо взять... Ступай вон! — повернулся отец Алексий к Даниле.— Кончен с тобой разговор, не до тебя.

Глава XVI. РАЗГОВОР НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ

В Петербурге на Дворцовой площади, возле недавно установленной Александровской колонны стоял юноша. Время от времени он поднимал голову, поглядывал на колонну и снова склонялся к своему дешевенькому мольберту. Под тонкими штрихами его карандашей на бумаге вырастал гранитный пьедестал с бронзовым барельефом, колонна и ангел с крестом.

На барельефе юноша тщательно вырисовывал две крылатые женские фигуры и надпись на прямоугольной доске: «Александру Первому благодарная Россия».

— Так и знал, что ты здесь! — услыхал он знакомый голос.

— Это ты, Мирон? — обернулся юноша.— Знаешь, я от этой красоты глаз отвести не могу. Гениальный архитектор Монферран! Исаакиевский собор, Александровская колонна...

— Погоди ты со своим Монферраном! Эх, Аммос, Аммос, ты делом будешь заниматься? Ты вот скажи: где эти барельефы отливали?

— Знаю, у Берда.

— Ну и то молодец. На его заводы ходил?

— Да я там чуть не месяц провел. Целый альбом зарисовал. Мастерские, паровые машины, прокатные станы — все, что видел.

Мирон с улыбкой поглядывал на рисунок двоюродного брата. Он встретил Аммоса в Петербурге после возвращения из Англии. В Нижний Тагил собирались вместе.

— Я был сегодня в конторе,— сказал Мирон.— На днях уезжаем.

Аммос печально покосился на колонну.

— Не огорчайся,— поймал его взгляд Мирон.— Порисовать тебе придется немало. Только не колонны и дворцы, а вещи посерьезней. Контора поручила нам строить две паровые телеги.

— Ну да! — Аммос подскочил от радости.

— Вызвали меня в контору,— принялся рассказывать Мирон.— Сказали, чтобы здесь не задерживался. Нужен в Нижнем Тагиле. Потом с новой должностью поздравили — я теперь второй механик всех нижнетагильских заводов. Второй после отца. А как поздравили, начали поручения

давать. Лесопильную мельницу достроить, две новые паровые машины на Медном руднике поставить, еще,— Мирон загнул палец,— механическое заведение расширять, подростков обучать, много чего наговорили, но главное — две паровые телеги строить. Они знают, что мы паровую телегу строить начали. Сказали, чтобы доделали для показа на Петербургской выставке. Во как!

— Теперь доделаем! — радостно воскликнул Аммос.— И мне уезжать ни капельки не жалко.— Он покосился на колонну.— Разве что совсем чуть-чуть. Но мы приедем, и я сразу за чертежи. Ты знаешь, как я черчу — мигом!

Мирон ласково поглядел на брата.

— Представляешь, как отец обрадуется? — сказал он.— И Андрей. Или они уже все знают? Хочется в Тагил. Давай собираться, Аммос. Нам ведь еще заводской груз везти придется. Надо все обсудить.

Через три дня братья выехали из Петербурга в Нижний Тагил.

Глава XVII. ЛЮБИМОВ РАЗМЫШЛЯЕТ

Лето промелькнуло — и кончилось. На Тагил навалилась осень. Вечерами в окна заколотили ледяные дожди. Густые ранние сумерки наглухо задергивали окна.

В такие вечера Любимов обычно сидел, развалясь в кресле, и думал. Мысли приходили пе-

чальные. Заводская обстановка становилась все несноснее. Приказчики при одном только упоминании имен Шведова и Мирона начинали трястись от злобы. Особенно ненавидели Шведова. Чего только на него не наговаривали! Рабочих разлагает, в бога не верует, русскую одежду презирает, образованием кичится — хуже человека не сыскать.

И добро бы только разговоры. Так нет, одних только доносов целый воз накатали, а при первом удобном случае гадят, как могут — то рабочих снимают, то материалы не дают.

А злобствуют ведь из зависти! Шведов только за год работы на Медном руднике увеличил добычу меди на двадцать тысяч пудов и — мало того! — так процесс усовершенствовал, что из отходов еще столько же меди стали получать. Бросовое тепло начал использовать — еще тысячи экономии. Всего не перечислишь. Как тут не позавидовать?

Надо было бы взять сторону Мирона и Шведова. Разрешить на свой страх и риск строить дилижанс, не дожидаясь Петербургской конторы, ставить паровые машины на Медном руднике, увеличивать добычу меди. Но выходит — опасно.

Слишком много врагов. Завистники-приказчики начнут строчить доносы — не открестишься. Отец Алексий свою линию гнет: ему Выйский поселок в православие обращать надо. Паровые дилижансы тут только помеха. Ведь создают их раскольники. Получается, что им хозяин веру

оказывает, народ на их стороне. Теперь Петербургская контора разрешение на дилижанс дала. В открытую против этого ему не пойти. Так он тишком норовит, людей против дилижанса настраивает. Чуть что не получится, он первый закричит: «Я говорил! О вере сперва думать надо!»

Столько времени зря потратили. Еще хорошо, Берду не заказали. У него везде своя рука есть. Видно, заломил много.

Любимов тяжело вздохнул. Странное дело: он директор всех нижнетагильских заводов, желает поддержать правых людей — и не может! Казалось бы, всем польза: отечеству, хозяину, рабочим, ан нет! Какая-то громадная и непонятная сила мешает поступать по совести — и ничего не поделаешь. Что это за сила? Петербургская контора? Демидовы? Двор? Или все вместе?

Плюнуть бы на все, вступиться — была ни была! Но есть жена, есть Наташа... При воспоминании о Наташе его мысли потекли совсем в другом направлении.

Недавно приходил Шкаликов, намекал на ее встречи со Шведовым. А то без него неизвестно! Иногда руки чесались залепить Шкаликову по роже — и вон, чтобы духу его здесь не было! Но и этого нельзя. Без него ничего не узнаешь о заводе. Горе, а не жизнь!

Хоть бы Наташа была счастлива. Шведов умница, добрейшая душа, но не прозябать же ей всю жизнь в этом медвежьем углу! А Кривощеков в доме все чаще и чаще. Дела-то у него не у

нас, а в Перми. И не лень ему из Перми таскаться? И тоже — против ничего не скажешь. Милый, приятный человек. Умеет себя держать, принят при дворе. И главное — четко знает, что и где надо сказать. Это тебе не Шведов, такой своего добьется. Что решит Наташа?

Он поглядел в окно. На улице посветлело.

— Эй, Тихон! — окликнул он слугу.— Приготовь плащ.

Любимов прошел по площади мимо господского дома и дальше, к редкому перелеску. Возле дороги двое мужиков грелись у костра. Любимов прислушался.

— Змий, вот тебе крест! Отец Алексий сказывал, на этом змии антихрист приедет. Людей жрать будет. Особливо кучеров. За Шведовым и черепановским сынком. Душу продали! — донеслось до Любимова.

«Бог мой, куда мы идем?» — вздохнул Любимов.

Глава XVIII. ДИЛИЖАНС ВЗОРВАЛСЯ!

Наташа и Шведов встречались теперь редко. Для Андрея наступила тяжелая пора: целый день он находился при Медном руднике, а всякую свободную минуту проводил с Мироном, помогая с пароходным дилижансом. Вечерами едва добирался до постели.

Переменилась и Наташа. Если прежде она готова была десять верст отшагать, лишь бы по-

видать Андрея, то теперь преспокойно ожидала: придет — хорошо, нет — ну и бог с ним.

Но в тот день, 10 марта 1834 года,— Шведов хорошо запомнил это число — Наташа сама попросила о свидании. В последнее время такое случалось не часто.

Они повстречались на прежнем месте у реки.

— Едва вырвался,— сказал Шведов, поздоровавшись.— Представляешь, на Медном руднике чуть было обвал не случился. А у меня времени даже не нашлось разобраться — еще Мирона повидать надо.

— Ты хоть иногда о чем-нибудь другом говорить можешь? — спросила Наташа.— Или только про рудник и дилижанс?

— Наташенька, неужели ты не понимаешь, как это важно?

— Еще бы! Все остальное — просто ерунда.

— Не говори так. Ты же знаешь, рудник и дилижанс — не просто моя блажь. Вот подниму рудник — и поженимся. Ведь пока я беден, положение мое шатко.

— Слыхала я все это,— отмахнулась она.— Ну да ладно, не в этом дело. У меня к тебе вот что. Я была у отца Алексия. Мы много говорили о тебе. Он вовсе не глуп и во многом прав.

— И в чем же прав святой отец? — усмехнулся Шведов.

— Я говорю серьезно!

— А я слушаю серьезно.

— Послушай, милый,— ласково сказала

она.— Ради бога, выслушай меня. Это важно. Очень, очень. Отец Алексий предлагает...

— Андрей Иванович! Шведов! Слышите?!

Они обернулись. К ним со всех ног бежал Аммос Черепанов.

— Насилу догнал, думал, не добегу,— тяжело проговорил он.— Ох, беда, Андрей Иванович! Котел взорвался.

— Котел? Люди живы?

— Живы. Шкаликова слегка прибило, но ничего страшного.

— И то слава богу. Да что мы стоим-то? Бежим скорее туда!

Не попрощавшись с Наташей, Шведов побежал на Выйскую фабрику.

Случилось вот что. На Выйской фабрике уже полгода велась работа над паровым дилижансом. Еще в январе по чертежам Мирона столяры изготовили модели паровозных деталей. А вслед за этим из припасной конторы затребовали полосовое железо, чугун, медь, олово.

Двадцать мастеров отливали по деревянным моделям детали, резали, ковали, клепали, лудили. Колеса и рельсы готовили отдельно на Верхне-Саладинском заводе. Рельсы походили на вытянутый гриб с широкой шляпкой, а колеса имели выемку, чтобы не соскочили с рельсов.

К концу января приступили к самому трудному — сборке. Пароходный дилижанс рос на глазах. На рельсовую колею установили прочную паровозную раму, которая опиралась на две оси

с чугунными колесами. На раме укрепили паровой котел, а чуть ниже — паровые цилиндры.

Котел дался труднее всего: количество дымогарных труб в нем никак не поддавалось расчету и после сборки выяснилось, что труб поставили мало. Давление пара в котле оказалось недостаточным. Котел несколько раз перебирали, но желаемого результата не добились.

В день взрыва Мирон решил еще раз испытать котел дилижанса. Стоял вечер, и на фабрике, кроме Мирона и Сысоева, никого не было.

— Ну что, Данила,— сказал он Шкаликову.— Давай еще раз котел перепустим. Поможешь?

— Завсегда рад, Мирон Ефимович, только я ведь в этом ни бельмеса... По мне, что самовар, что котел — все едино.

— Да тут все просто,— сказал Мирон.— Вот топка, видишь? Мы ее сейчас раскочегарим, горячие газы по трубкам пойдут в котел. Вода закипит — и порядок, пар готов. Потом уже пар идет к цилиндрам, понятно?

— Понятно.

— Ну вот и здорово. А это предохранительный клапан, он котел предохраняет.— Мирон показал на рычаг с тяжелым шаром посередине.— Если в котле увеличить давление пара, рычаг приподнимется и выпустит пар наружу. Шар должен стоять точно на месте. Иначе пар наружу не пройдет, и котел раскорежит. Ясно?

— Очень даже ясно.

— Тогда растапливай, а я подвезу угля.

Когда Мирон вернулся, топка дилижанса полыхала, а возле стоял довольный Шкаликов.

— Все сделано! — крикнул он Мирону.

— Тогда вот что,— начал Мирон,— ты иди сюда...

Но договорить он не успел. Раздался взрыв.

Весь сарай наполнился дымом и паром.

Но вот дым рассеялся, и Мирон увидел Шкаликова. Тот лежал на полу возле дилижанса. Злополучный шар сорвался с рычага и угодил ему прямо в лоб. Данила лежал без сознания. Сбежавшиеся на взрыв люди обступили его.

— Жив? — спросил Мирон.

— Жив...— чуть слышно пошевелил губами Шкаликов.

Когда Шведов и Ефим Алексеевич прибежали в сарай, Мирон рассказал обо всем и твердо добавил:

— Котел все равно не годился. Останавливать работу нельзя. Надо собирать новый и ставить большее количество дымогарных труб.

— А что со Шкаликовым делать? Ведь это он все подстроил! — сказал Аммос.

— Ничего,— ответил Ефим Алексеевич.— Все равно ничего не докажешь. И времени жалко. Он сам себя наказал. Не пускать его сюда — и все тут. Нет худа без добра: новый котел еще лучше будет. Вот только как быть с начальством?

— Любимова я беру на себя,— ответил Шве-

дов.— А ты, Мирон, приступай к расчету. Аммос будет чертить. Ждать некогда.

— Сделаю,— ответил Мирон.— Только, по-моему, считать теперь надо по-другому.

Глава XIX. ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Испытание дилижанса назначили на 5 сентября 1834 года.

Народ дивился: вот ведь штука — самовар на колесах! А может, он живой? Что, если Мирон продал душу дьяволу и тот пособил ему собрать телегу-самоход? Очень возможно. Но тут ведь что еще важно: кто на этой телеге приедет? По всему выходило, что антихрист. Сказано в писании про всадников, которые имели на себе «брони огненные, гиацинтовые и серные: головы у коней — как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера. От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей». Все точно про дилижанс. Стало быть, конец света.

Со всех сторон Тагила к Выйскому заводу шли люди. Кого только не было! Перепачканные горщики в широких и плоских, как лопата, фартуках, конторские служащие, бабы в праздничных косоклинных сарафанах и цветных платках, заезжие купцы. На телегу-самоход не поглазеть грех.

Только вдруг этот самый дилижанс людей

жрать начнет? Дело серьезное. Детей с собой не брали.

Возле ворот сарая, где стоял дилижанс, поставили широкую скамью для Любимова и приказчиков. Шведов пришел пораньше и прохаживался возле рельсов, бросая взгляды на толпу. Наташи не было видно.

На пригорке вырос закрытый экипаж, запряженный белой горделивой кобылой. В оконце виднелось лицо отца Алексия.

Все с нетерпением и любопытством ждали, когда же покажется паровоз.

Ворота сарая распахнулись настежь, народ шарахнулся.

Удивительная лошадь! Железная бочка на колесах, а спереди самоварная труба и черный дым валит. Сзади на узкой площадке стоял Мирон и держался за рукоятку.

Несколько парней подошли к дилижансу ближе.

— Эй, Мирон! — крикнул один.— Чего так медленно!

— Можно и быстрее,— ответил Мирон.— Садись — прокачу!

— Да ну его,— засомневался парень.— Нам это дело ни к чему.

Кругом засмеялись.

Дилижанс медленно двигался по рельсам, прокатил мимо толпы и дал обратный ход. Прошло немного времени — и страха как не бывало За дилижансом побежала гурьба мальчишек.

Люди подходили, разглядывали, шутили. Еще минута — и в прицепленную к дилижансу повозку полезли первые пассажиры.

Резко задернулась занавеска экипажа, уехал отец Алексий. Злобно насупившись, глядели на дилижанс приказчики: ваша взяла, Черепановы, крыть нечем.

Ефим Алексеевич стоял возле Андрея. Ветер разметал его длинные седые волосы. Андрей что-то говорил ему, но старик не слышал. Это был его день. Сбылась самая заветная мечта старика — его сын Мирон стал его преемником, продолжателем его дела. Шведов еще с минуту продолжал говорить ему о дилижансе, потом вдруг осекся, поглядел на старика и сказал:

— Спасибо, Ефим Алексеевич.

Пароходный дилижанс с первыми седоками медленно проехал мимо них.

Глава XX. ТРИ ВСТРЕЧИ

Шведов сидел в кабинете директора, ожидал разговора и искоса поглядывал на Любимова. Александр Акинфиевич сильно сдал — щеки обвисли, под глазами мешки, из-под жесткого воротника торчала старческая, черепашья шея.

— Что смотришь,— усмехнулся он, поймав взгляд Шведова.— Думаешь, сам молодеешь? Почитай, семь лет минуло с твоего приезда. А тут еще...— Он запнулся и устало провел рукой

по глазам.— А ты, собственно, зачем? Малахита больше не находили?

Речь шла о громадной глыбе малахита, которую недавно обнаружили на Медном руднике.

— В Петербурге тобой довольны,— продолжал он.— Как глыбу увидали, так заохали — шестнадцать пудов! Скоро приказ будет, тебе премия. Счастливчик ты,— усмехнулся он.— Повышения получаешь, премии тебе дают. Завидую!

— Я насчет дилижанса,— сказал Шведов.— Первая опытная чугунка работает отлично. Второй дилижанс обошелся просто даром — полторы тысячи. Знаете, сколько стоят заграничные дилижансы?

— Знаю,— ответил он.— Раз в тридцать дороже.

— А если так, то почему нам не сделать чугунку в три версты — от Выйского завода до Медного рудника? Это выгодно!

— Выгодно кому?

— Как кому? Вообще выгодно..

— Вообще, говоришь...— протянул Любимов.— Вообще — не бывает. Ты знаешь, сколько мы от возчиков получаем?

— Нет.

— А ты поинтересуйся. Ушков, король местных возчиков, право на перевозки за такие деньки откупил, что десять твоих дилижансов построить можно. Так кому это выгодно — Демидовым или, может быть, Ушкову? Труд-то у нас не сто́ит

ничего, попомни это. Потому и сами дилижансы, кстати, дешевле. Только строить их все равно невыгодно. Тут не Англия. Для того чтобы пароходный дилижанс вводить, весь уклад надо менять, людей обучать. Ты все вместе сложи!

— Но как же так...

— Да уж так! Ну ладно, ты не пугайся. Высшее благословение на пароходные дилижансы дали, губернатору ваша игрушка понравилась — будет вам дорога. Завтра бумагу составим.— Он помолчал, потом пристально посмотрел на Шведова: — Что еще скажешь?

Было ясно, к чему он клонит.

— Я хочу сказать вам...— начал Шведов, понимая, что больше отмалчиваться невозможно.— Я хочу сказать вам, что люблю Наташу и прошу ее руки.

— Долго ты думал,— покачал головой Любимов.— С паровой телегой куда быстрее действуешь. У самой Наташи спрашивал?

— У Наташи? Да мы с ней...

— Знаю, знаю,— перебил Любимов.— Мир не без добрых людей: каждый ваш шаг вперед вас самих знал.— Любимов наклонился к Шведову и сказал: — Знаешь, ты мне, ей-богу, нравишься, и, поверь, мне куда больше хотелось бы выдать Наташу за толкового и умного молодого человека, чем за какого-нибудь петербургского выскочку. Ты почему молчал столько времени?

— Думал, что слишком беден.

— И сильно разбогател с тех пор?

Шведов молчал.

— Не знаю,— сказал Александр Акинфиевич.— Говори с Наташей. Только боюсь...— Он замолк, что-то недоговаривая.

На том разговор и кончился. Шведов ушел, так ничего и не поняв. Но раздумывать было некогда. В тот день у него накопилось слишком много дел. Да каких!

Прямо от Любимова он побежал к отцу Алексию, который ожидал его в церкви на окраине Тагила.

Когда он вошел, служба уже кончилась. Отец Алексий поджидал его в клетушке при церкви.

— Садись,— сказал он и осторожно снял очки в тонкой железной оправе.

Шведов сел. Отец Алексий повернулся к нему. Резким движением священник выдвинул потайной ящик. Все дно ящика покрывали золотые монеты.

— Вот деньги,— сказал отец Алексий.— Бери и уезжай вместе с ней, слышишь?

Шведов онемел. Он никогда не видал столько денег сразу.

— Ты отправишься в контору,— говорил отец Алексий, словно все было решено,— и напишешь в Петербург, что пароходный дилижанс не принесет пользы на Урале. Тебе поверят. Потом поговоришь при мне с Мироном. Убедишь его отказаться от этой затеи. Построили один — и хватит. Не разводить же их тут! Лучше помоги мне Мирона в православие обратить — ведь для

него же стараюсь. О его заблудшей душе пекусь. Ну да ладно. Главное, сделай, что я говорю, и тогда — с богом! — уезжайте из Тагила. С Наташей я разговаривал. Сам вас обвенчаю.

— Почему вы против дилижанса?

Отец Алексий на минуту задумался.

— Я не против дилижанса,— сказал он.— Я знаю Мирона с пеленок. Знаю его отношение к тебе. Они с отцом начали с паровых машин, но им показалось мало. Их обуяла гордыня. Паровая машина, дилижанс — что дальше? Мирон мечтает: всё станут делать машины — и пахать, и сеять. А кем станет человек? Тоже машиной? Или погрязнет в лени и беспутстве? Мне дороже один их поселок в православие обратить, чем телеги без лошадей видеть. Это мой долг.

— Но вы ничего не добьетесь,— сказал Шведов.— Откажутся Черепановы, найдутся другие.

— Может быть, и так. Но я буду чист перед собой и богом. Я сделал все, чтобы не смущать мятежные души моих прихожан.

— Что же, будущее покажет,— сказал Шведов.— Что до меня, то я не откажусь от задуманного. Я не возьму ваших денег и останусь на Урале.— С этими словами он вышел.

На улице вечерело. Шведов с легкой душой шагал к дому. Неприятные разговоры кончены — можно отдохнуть.

На другой стороне улицы он увидал Наташу и Кривощекова.

— Андрей Иванович! — окликнул его знако-

мый голос.— Идите сюда! К нам приехал Алексей Михайлович Кривощеков. Вы ведь знакомы? Алексей Михайлович обещал похитить меня. Правда, смешно? Мы с мамой бывали у Алексея Михайловича в Петербурге. А теперь,— она наклонилась к Шведову,— я вам тайну открою, Алексей Михайлович меня простит: к нам, видимо, приедет наследник престола, великий князь Александр Николаевич. Представляете! У Алексея Михайловича поручение — проследить за всеми приготовлениями.

Шведов не ответил, хотя весть удивила его. Кривощеков чуть снисходительно улыбался.

— Бог мой, какой вы скучный, Шведов! — смеясь, воскликнула Наташа.— Небось опять про свой рудник или дилижанс думаете. Ну и думайте себе на здоровье, а мы с Алексеем Михайловичем пойдем гулять, правда? — спросила она своего спутника.

— Как вам будет угодно, любезная Наталия Александровна,— ответил тот.

— До свидания, Шведов,— бросила Андрею Наташа.

Глава XXI. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

В Тагил сообщили официально: его императорское высочество великий князь Александр Николаевич, путешествующий со своей свитой

по городам Российского государства, подарит своим вниманием и здешние заводы.

Началась бешеная подготовка. Исправник Шайдюк занялся составлением циркуляра о поведении всех и каждого во время приезда его высочества. По его циркуляру всем следовало находиться на своих местах в лучших платьях, отвечать на вопросы громко и прилично, а главное — побольше кланяться и стоять на коленях. Козопасова определили при штанге, Мирона — при дилижансе, Ефима Алексеевича — при Выйском заводе и Шведова — при руднике.

Готовились всерьез. По приказу Любимова переоборудовали больницу и аптеку,— вымостили дороги, покрасили фасады домов. Певчие разучили гимн. А женщины готовили тысячи плошек для освещения города.

Мирон едва ли заметил все эти приготовления. День и ночь он проводил возле дилижанса. Снова и снова он подтягивал болты и гайки, чистил до блеска медные детали, мыл, подкрашивал, подчищал свое любимое детище. Временами он даже разговаривал с дилижансом.

— Ты уж, голубчик, не подведи,— говорил Мирон.— Главное испытание предстоит. Вся надежда на их императорское высочество. Больше наверняка мучиться не придется. Наследник все поймет, он ведь будущий государь России, помазанник божий. Представляешь себе,— мечтал вслух Мирон,— подъезжает к нам наследник со свитой поглядеть, как действует первый россий-

ский дилижанс. Наследник высовывается из коляски и приказывает дилижансу остановиться. Потом подъезжает поближе. «Кто это?» — спрашивает наследник у Любимова. «Мирон Черепанов, ваше высочество».— «Очень интересно,— говорит наследник.— Ну-ка, Черепанов, расскажи мне обо всем». И тогда я расскажу ему все. Как впервые увидел в Англии паровозы и побожился, что сделаю не хуже. Как вернулся назад и месяцами ломал голову над расчетами. Как взорвался котел и все пришлось начинать сызнова. И конечно же, об отце, о Шведове и о том, как наконец собрали эту небывалую телегу-самоход. «Неплохо! — восхитится наследник.— Запишите,— бросит он своему адъютанту.— Такие дилижансы надо строить по всей России. Представляете — железная дорога между Петербургом и Москвой!» — «Дозвольте, ваше высочество,— скажу я и упаду на колени,— у меня и план готов».— «Да, да,— ответил наследник.— Даю на то разрешение».

Своими мечтами Мирон не делился ни с кем.

Наконец долгожданный день настал — его императорское высочество прибыл в Тагил 28 мая 1837 года в 11 часов вечера. В свите наследника, кроме его воспитателя поэта Василия Андреевича Жуковского, ехал генерал-адъютант князь Ливен, лейб-хирург, камердинеры, конные слуги — рейткнехты, фельдъегери, а кроме этого, повара, конюхи, рассыльные — всех не перечтешь.

Громадный разукрашенный поезд из десятков экипажей въехал в Нижний Тагил.

— Ура! — рявкнули в один голос пятнадцать тысяч заводских мужиков.

Наследник слегка побледнел. Он был высок ростом и худощав.

Дальше все пошло по циркуляру.

Генерал-адъютант Юрьевич писал сыну:

Я хочу описать тебе сегодняшний день, 28 мая, наши странствия у подножия Уральских гор.

Вчера, часу во втором после завтрака или раннего обеда, мы отправились налегке из Екатеринбурга в Нижний Тагил. Длинные широкие улицы, много огромных каменных зданий, все в ярком огне бесчисленного множества плошек, поразили глаза наши, уже привыкшие к блеску такого рода. Все это отражалось в водах большого резервуара горных вод, посреди которого стоял ботик с хором мужиков, игравших давно не доходивший до нашего слуха русский гимн.

Великий князь с истинным удовольствием любовался одним и слушал другое. Ему усладительна была сия музыка...

Утром его высочество изволил осмотреть достопримечательности Нижнего Тагила. Осмотр начался с пароходного дилижанса.

Коляска наследника подкатила к Выйскому заводу. Навстречу ей медленно двигался украшенный цветами и флагами первый русский паровоз. Мирон остановил дилижанс напротив коляски и замер.

— Кем устроен? — спросил наследник.

— Заводским механиком Мироном Черепановым, ваше высочество,— ответил Любимов.

— Поехали дальше!

Мирон проводил взглядом коляску, соскочил на землю и сел возле дилижанса. Так он просидел около часа, ничего не понимая. Наследник увидел первый в России пароходный дилижанс. Вокруг этого дилижанса кипели споры, люди работали день и ночь, о нем мечтали, за него молились. А наследник не поглядел даже, слова не сказал. Мирон поднялся и отправился на поиски Шведова, чтобы поделиться с ним своими мыслями. На Медном руднике он с трудом протолкался к другу — все кругом было запружено народом.

— Ну что? — спросил Шведов.

— Даже не спросил ничего. Сказал: «Поехали!» — и только.

— Я так и думал.

— Вот что, Андрей,— горячо заговорил Мирон, доставая из-за пазухи сверток.— Тут все наши бумаги, я все приготовил. Сделай милость, отдай их великому князю.

— Нет.

— Андрей, я бы сам отдал, но ты лучше обращение знаешь. Он где сейчас?

— В руднике. Увидел глыбу малахита, сказал: «Вот истинное чудо!» — и отбил кусок на память.

— Андрей, он поднимается, подойди, христом-богом молю!

— Ладно, давай бумаги. Только ведь проку все равно не будет.

Когда великий князь выходил из шахты, вертя в руках кусок малахита, Шведов отделился от толпы приказчиков и подошел к нему.

— Ваше высочество,— произнес он, но наследник не услыхал его.

— Что вам угодно, сударь? — спросил Жуковский. Он выходил из рудника последним.

— Здесь,— заговорил по-французски Шведов,— проект преобразования Урала. Я хотел...

Услыхав французскую речь, Жуковский с интересом поглядел на Шведова.

— Я очень рад,— сказал он,— видеть на Урале образованного человека, думающего о судьбе отечества. Но, полагаю, их высочеству еще рано вникать в сложные вопросы, которые волнуют нас с вами. Это путешествие,— Жуковский на минуту задумался,— можно сравнить с чтением книги, в которой великий князь прочтет одно оглавление и лишь много спустя — каждую главу особенно.

Великий князь и свита уехали, а Мирон со Шведовым еще долго стояли вместе, раздумывая, найдется ли у наследника когда-нибудь время читать «каждую главу особенно».

На другой день Любимов писал в Петербургскую контору: «На Ваш запрос, как отозвался его высочество о нижнетагильских заводах и производстве, ответ мой краток: ни я, ни мои товарищи не слыхали отзывов его высочества».

— Что же делать, отец? — спросил Мирон.

Ефим Алексеевич не ответил ему. Вместо этого он повернулся к Арине и попросил:

— Налей, милая, мне еще чашку чая.

Арина поднесла чашку к стоявшему подле нее самовару, налила кипяток, потом заварку и поставила чашку перед свекром.

— Я пойду, Ефим Алексеевич,— сказала она.— В доме дел полно.

— Иди, милая.

Она встала из-за стола, накрытого в палисаднике, и направилась к дому.

— Хорошая у тебя жена,— сказал Ефим Алексеевич,— повезло тебе.

— Плохую бы не взял,— усмехнулся Мирон.— Но ты мне ответь все-таки: что же нам делать? Ведь весь наш труд прахом идет! Не дают работать!

— Так уж и не дают? — неторопливо прихлебывая чай, спросил Ефим Алексеевич.

— И ты еще спрашиваешь? — горячился Мирон.— Ты сам не знаешь? С дилижансом все кончено. На выставку в Петербург его посылать не хотят. Я на наследника надеялся — лопнули мои надежды. Петербургская контора никаких разъяснений не дает, Любимов словно в рот воды набрал. Руки опускаются.

— А ты не опускай.

— Как же не опускать! Ты погляди, что кру-

гом делается! Андрея затравили — за что, спрашивается? За то, что он лучше дело знает, работает на совесть, а не карман набивает. Людей кругом, как скотину, продают. Пикнуть нельзя — на заводах свой суд, что хотят, то и делают. Хозяева на заграничных художников тысячи выбрасывают, а своих в рудниках гноят. Понадобится им дилижанс, они его все равно Берду или за границей закажут — кто даст больше. Своим веры нет. Ты мне одно скажи: для чего работать, если это все равно никому не надо?

Ефим Алексеевич помолчал немного, потом поглядел на Мирона.

— Надо работать,— твердо сказал он.— Не знаю почему, не могу объяснить, но что-то говорит во мне, что надо. Наверное, чтобы себя уважать. И еще — для России...

Глава XXIII. АНДРЕЙ И МИРОН

Наступила весна. Яркий полуденный свет струился в небольшое окно комнаты. Все вокруг было перевернуто. По всей комнате в беспорядке валялись одежда, книги, образчики горных пород. На полу стоял раскрытый чемодан. Несколько рубашек закрывали его дно.

Шведов рассеянно прошелся по комнате. Потом взял в руки пальто, сложил, шагнул к чемодану. Но по дороге словно передумал, бросил пальто на кровать и сел, обхватив голову руками.

«Надо собраться с силами и уложить вещи,— сказал он себе.— Все кончено, и делать здесь нечего». Ехать можно куда угодно: он свободен и задерживать не станут. Шведов в сотый раз перечитал клочок бумаги. Письмо от Наташи.

Дорогой Андрей! — писала она.— *Ради бога, прости меня. Я знаю, что поступаю дурно, но иначе не могу. Нынче вечером мы с Кривощековым отбываем в Петербург венчаться. Прошу тебя, не ищи встреч со мной и не пытайся что-либо сделать. Все решено. Прощай. Наташа.*

Шведов поднялся, подошел к окну, снова сел. В комнату постучали. Он ничего не ответил. Дверь отворилась, на пороге показался Мирон.

— Здравствуй,— сказал он.

— А, это ты,— ответил Шведов.

— Что, собираешься?

— Да.

— Надолго?

— Навсегда.

— Понятно.

Мирон присел на краешек кровати и оглядел комнату.

— А я от Любимова,— сказал он.

— Ну и что там? — безучастно спросил Андрей.

— Собирают модели на выставку в Петербург. А дилижанс вычеркнули из списка.

— Надо же...— Андрей уложил в чемодан пальто, сверху костюм, потом книги.

— Теперь уж точно не дадут разрешения на новую дорогу.

— Очень жаль.

— Еще слышал, хотят на Медном руднике прежние порядки вводить.

— Пусть их вводят,— ответил Андрей, пытаясь закрыть чемодан.

Чемодан не закрывался. Мирон подошел, надавил коленом на крышку.

— Значит, все,— сказал он.

— Значит, все.

Через полчаса все вещи были собраны. Друзья присели на дорогу.

— Так и не нашли мы с тобой клада,— сказал Мирон.— Помнишь, как Данилов выдрал тебя тогда?

— Как не помнить! Конечно, помню. Я и в Париже часто вспоминал об этом.

— А потом ты приехал, и я не узнал тебя.

— Пока я не крикнул «ку-ка-ре-ку!»,— грустно рассмеялся Шведов.

— И повозились мы с тобой все-таки с этим дилижансом!

— Еще бы! Но главное — все-таки сделали.

— Только вот теперь все насмарку пошло. Никому здесь ничего не надо. Тут как-то немцы приезжали, так я слыхал, как один другому говорил: «Гиблое место Россия!» Знаешь, я много думал в последнее время. Ради чего мы живем? Неужто, чтобы есть, спать, копить деньги? Наверное, есть в нас еще что-то, чем мы живем? Слушай, Андрей, ну куда мы без России. Все, что мы делаем, нужно здесь, таким же людям, как мы с

тобой. Оставайся, Андрей.— Мирон подошел к нему и положил руки на плечи.— Помнишь, как когда-то,— улыбаясь, произнес он.— Клянусь, что не забуду Андрея Шведова до гроба.

— И ежели забуду, то пусть разразит меня гром! — ответил Андрей.

— Не уезжай, Андрей,— тихо попросил Мирон.

Андрей помолчал, потом произнес:

— Да мне, право слово, больно уезжать отсюда, но после всего у меня руки опускаются, не могу ничего делать! — Он подошел ближе к Мирону, поглядел на него и вдруг сказал: — Я не поеду, Мирон, будем жить здесь!

Глава XXIV. ЛЮБИМОВ УЕЗЖАЕТ

Шла осень 1839 года. Весна и лето промелькнули для Шведова незаметно. Работы все прибавлялось, что, впрочем, только радовало его. Да и чем еще он мог занять свое время? Разговоры и воспоминания только бередили душу.

Шведов старался с головой уйти в работу, но она не захватывала его, как прежде. Видеть никого не хотелось, даже Мирона. Вечерами Шведов одиноко брел домой, просиживая дотемна за книгой или размышляя бог весть о чем.

В тот день он заглянул на Выйский завод узнать о строительстве медеплавильной печи. Это была особая печь.

Еще давно он предложил использовать горячие газы медеплавильных горнов как топливо. Раньше эти газы выпускали в воздух. Но если заставить их нагревать печь или паровые машины, можно сэкономить тысячи на дровах и угле.

Шведов набросал эскизы, написал рапорт — на том дело и кончилось. Но потом за дело взялись Мирон и талантливый инженер из здешних Павел Мокеев. Да так хватко, с такой душой, что Шведову даже завидно стало: самому бы так!

Сейчас Шведов решил взглянуть на постройку.

Он брел к заводу по колее чугунки, занесенной ржавой осенней листвой. Солнце ярко освещало стылые рельсы. Кругом ни души. Только далеко впереди копошились возле завода похожие на муравьев люди.

Шведов снял перчатку, нагнулся, потрогал ладонью рельсы. Чугунка чуть вздрагивала — впереди кто-то ехал. Андрей обождал.

Мимо него по рельсам катилась тяжелая повозка, запряженная рыжим мерином. Возница содрал с головы шапку и поклонился.

— Как ездится? — спросил Андрей.

— Спасибо, господин приказчик, все слава богу,— ответил возница, останавливая мерина. Потом помолчал и добавил: — Куды черепановскому дилижансу до моего Рыжего — и тянет шибче, и дрова не нужны. А вот рельсы — это хорошо!

— Ну езжай, езжай,— сказал Андрей.

Дилижанс давно гнил в сарае. По чугунке ходила конка: лошадь тянула по рельсам груженые повозки.

Шведов вспомнил: два года назад он шел этой дорогой с Наташей и мечтал об их будущей жизни, работе... Как летит время! Все, казалось, было недавно — Мирон, Наташа, молодость...

— Андрей! — окликнул его кто-то.

Он обернулся. К нему приближался Любимов.

— Здравствуй,— сказал он.— Давно мы не виделись.

— Как же это давно? А вчера в конторе?

— В конторе не в счет. У меня к тебе есть разговор.

— Я слушаю.

— Дело вот в чем. Я уезжаю.

— Куда же это?

— В Петербург. Новое назначение. Говорят, в моем возрасте не о чинах, а о душе думать надо, но речь идет о повышении.

— Поздравляю.

— Послушай, Андрей, я хочу, чтобы ты меня понял. Я ведь не могу жить, как ты или Мирон, делать что вздумается. Я человек государственный. Мне о России думать приходится.

— К чему это вы? — спросил Андрей.

— Да к тому, что получается, будто я виноват в чем-то, а на самом деле, что я мог?

— Я вас ни в чем не виню.

— Послушай, Андрей, я уезжаю навсегда и

хочу предупредить тебя. Грядут новые времена. Будь осторожен. Ведь ты на подозрении...

— Кто бы мог подумать!

— Андрей, выслушай меня серьезно. Как друга. Мне жаль расставаться с тобой. Я все обдумал и даже переговорил кое с кем — ты поедешь вместе со мной. Пойми, тебе не место в Тагиле. Меня не будет, пройдет какое-то время — и тебя все равно выживут. А годы-то идут! Поедем, Андрей! Петербург велик, там ты сможешь найти себе дело по душе. И мне легче будет — свой человек рядом. Ты подумай, не спеши.

— Мне нечего думать,— ответил Андрей.— Я только хочу спросить вас: вы Мирона и Мокеева тоже с собой берете? О них тоже переговоры в Петербурге вели? Да неужели вы, Александр Акинфиевич, не понимаете, что я и приехал сюда, чтобы жить с ними, одно дело делать! — Он помолчал немного, потом твердо сказал: — Так вот, никуда я не поеду. Буду жить, как жил.

— Ну что же, дело твое,— сказал Любимов.— Оставайся.— Он подошел к Андрею, крепко обнял его и поцеловал: — Прощай, Андрей. И не поминай лихом!

Андрей долго глядел ему вслед. Затем вздохнул и зашагал к черепановскому дому.

а.

к
б-
о-
в
е-
т!
о-
у-
и.
—
е-
ы
др
о-
н
ак

и-
п-
й.

х-

Цена 26 коп.